

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СТЕЛЛА

ИЛИ «СИРЕНЕВЫЙ ТУМАН»

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Сиреневый туман

«ЭКСМО»

2004

Колычев В. Г.

Сиреневый туман / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2004 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Сплошная невезуха преследует Сергея Кирсанова по жизни. По глупости попал на зону, отмотал срок от звонка до звонка и решил, что с него хватит. Но вскоре пришлось крепко разбираться с доморощенными рэкетирами, и впереди опять замаячила зона. Тут Сергей понял, что кто-то упорно подставляет его. Уж не «закадычный» ли враг Ростик Горшков – ныне лощенный банкир? Сергей даже догадался почему – шерше ля фам. Из-за красавицы Стеллы сживает его недруг со свету. Ну, раз так, то Сергей сумеет дать банкиру сдачи, тем более нехилый опыт имеется...

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
1	5
2	7
3	10
Глава вторая	17
1	17
2	20
3	26
Глава третья	31
1	31
2	34
3	37
Глава четвертая	40
1	40
2	46
Глава пятая	50
1	50
2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Колычев

Сиреневый туман

Часть I

Глава первая

1

Антонина Михайловна села за учительский стол с достоинством царственной гусыни. И только тут до нее дошло, что поступила она опрометчиво. Сначала нужно было посмотреть на стул, заглянуть под стол. Вдруг какой-то подвох. Или канцелярская кнопка на стуле, или под ногами клеем намазано. Или больно будет, или туфли к полу приклеятся. Учительнице страдание, а классу веселье.

Но вроде бы все в порядке. Никаких казусов. Антонина Михайловна снова преисполняется важностью, величественным взглядом обводит притихший класс. В руках у нее сильный козырь. А именно – тетрадки со школьными сочинениями. На данный момент ее авторитет непререкаем.

Стелла училась хорошо и сочинения писала только на «отлично». Сейчас она нисколько не сомневалась, что ее творение будет удостоено самой высокой оценки.

Но Антонина Михайловна умеет выдерживать паузу и нагнетать тоску. Даже Стелла невольно разволновалась. О других и говорить нечего. И только Кирсанову все до лампочки. Сидит на своей «камчатке» и в ус не дует.

– Кирсанов! – глядя на него, зловеще изрекла Антонина Михайловна. – Ты, как всегда, на высоте!

– Ну, дык, а как же иначе? – хмыкнул Сергей. – Кто ж, если не я?..

– Ну почему же, сегодня не ты один такой умный. Бочкин тоже отличился... «Дверь открыл мальчик лет восьмидесяти...» Какой же это мальчик, Бочкин? Это уже старик...

– Подумаешь, черточку между «восемью» и «десятью» не поставил, – буркнул Андрей.

– Черточку... Зато я черточку тебе поставить не забыла. Три с минусом, Бочкин... А у Кирсанова с плюсом. Но единица... Мало того, что с грамматическими ошибками перебор, так у него еще машинист на Анне Карениной оказался... Как он мог на ней оказаться, Кирсанов?

– Да как, очень просто. На паровозе по ней проехался... Или... – Серега загадочно улыбнулся.

– Что «или»?

Антонина Михайловна была заинтригована и не могла скрыть этого. Во всяком случае, Стелла заметила, как всколыхнулся интерес в ее глазах.

Учительница молодая, три года как после института. Ей всего двадцать пять. Шестнадцатилетние оболтусы воспринимают ее как старшую сестру – строгую и зловредную.

Сергей Кирсанов тоже оболтус, но ему уже семнадцать. Этакий разудалый молодец без царя в голове. Он никогда и никого не боялся. Зато его боялись все. Директор школы так про него и говорил – социально опасный элемент. Учителя соглашались с этим и прочили Сергею небо в клеточку и друзей в полосочку.

Как учитель Антонина Михайловна не жаловала его и боялась. А как женщина... Стелла замечала, с каким интересом она смотрит на Сергея. Какой-то странный огонек заметен в ее глазах. Что, если Кирсанов нравится ей как особь противоположного пола? Мало ли что...

У Сергея было много недостатков, но при этом он умел обращать их в плюсы. К тому же он обладал рядом неоспоримых достоинств. У него был сильный характер. Прирожденный лидер. Он никого не звал за собой, но ребята сами шли за ним. Что бы он ни делал, всегда был в центре внимания. И любая его шутка воспринималась на «ура».

Мальчишки его ценили и уважали. А девчонки... Стелла не могла ручаться за всех, но могла сказать точно, что половина одноклассниц равнодушна к нему. Мало того, что Серега был сильной личностью, он еще и внешне очень даже ничего. Высокий рост, атлетическое сложение. Симпатичное лицо. И главное, глаза. Два магических колдца с темно-синей водой. Смотреть в них можно, но очень осторожно. А то ведь можно провалиться и утонуть.

Стеллу он тоже интересовал. Влюбиться в него она не влюбилась. Но, похоже, уже стояла на краю темно-синей бездны. Как бы не оступиться да не нырнуть в омут с головой.

Что, если Антонина уже тонет в глазах Сергея? Парень он уже достаточно взрослый. И вряд ли он воспринимает молодую учительницу как старшую сестру. Уж не роятся ли в его голове грешные мысли? Да и чиста ли помыслами сама Антонина?

Сейчас между ней и Сергеем самый настоящий роман. Называется он «Война и мир». То война, то мир...

– Что «или»? – насмешливо и в то же время с животрепещущим интересом переспросила Антонина.

– Я так думаю, что Каренина не зря именно под этот паровоз кинулась, – развязно усмехнулся Серега. – Может, у нее с этим машинистом шуры-муры были. Он сначала на ней без паровоза проехался, а голова по рельсам – это уже потом...

– Кирсанов! – пошла розовыми пятнами Антонина.

Но Сергей сделал вид, что не услышал ее стыдливо-гневно восклицания.

– Знаете ли, Антонина Михайловна, некоторые женщины обладают даром любить. В смысле – любят даром. Любят, любят, а потом дети появляются...

– Кирсанов!! – От возмущения у Антонины перехватило дыхание.

– А что «Кирсанов»? Что я такого сказал?... Вот если я скажу, куда девается аист, после того как он принесет ребенка... Сказать?

– Кирсанов!!!

– Ладно, так уж и быть, скажу. В штаны он обратно улетает...

Стелла смотрела на Сергея с удивлением и непониманием. Сегодня он явно перегнул палку. Не стоило ему так разговаривать с Антониной. Она этого не заслужила. Да и сама Стелла не заслужила, чтобы в ее присутствии говорили такие гадости.

Антонина вскочила с места:

– Кирсанов!!! Вон из класса! – Ее рука показывала на дверь.

Сергей без суеты поднялся из-за стола, потянулся, с нарочитой ленцой почесал затылок.

– Да, кстати, а вы знаете, как спят муж с женой после ссоры? – как ни в чем не бывало спросил он. И тут же сам ответил: – Членораздельно.

Класс веселился вовсю. Только Стелле было не до смеха. Никогда Кирсанов не был ей так противен, как сейчас.

– Пошел вон! – вскипела Антонина.

Была б ее воля, она бы растерзала этого придурка на куски. Но воли у нее не было, да и сил бы не хватило.

Стелла также не отличалась богатырской силой. Но ее переполняли возмущение и злость на Сергея. Она и сама не поняла, как это вышло. Он с гордым видом проходил мимо нее, а она неожиданно для себя выставила ногу в проход между столами. Сергей наткнулся на препят-

ствие и не смог удержать равновесие. Если бы он не успел опереться руками о столы, стелиться бы ему пузом по полу.

Сергей был рослым и крепким, под его тяжестью Стелла могла сломать ногу. Но этого не произошло. Она отделалась легким ушибом. К тому же она даже не замечала боли. Все внимание на Сергея. Все мысли и чувства сковал страх. Что, если этот пошляк-самоучка набросится на нее с кулаками?..

Смех оборвался, в классе установилась мертвая тишина. Было только слышно, как Сергей, вставая на ноги, двигает столы. Даже Антонина притихла. Так же, как все, молча наблюдает за развитием событий. А ведь она должна, она просто обязана грудью закрыть Стеллу.

Сергей ошеломленно смотрел на нее. В глазах растерянность и немой вопрос: «Зачем ты это сделала?» Стелла хорошо знала ответ. И еще больше разозлилась на Кирсанова. Может быть, поэтому не отвела в сторону глаза и выдержала его достаточно тяжелый взгляд.

– М-да-а, – качая головой, разочарованно протянул Сергей.

И уже не с гордым, а скорее, с понурым видом поплелся на выход. Стелла несколько его не жалела. И в своем поступке не раскаивалась.

Антонина кое-как успокоилась. И снова взялась за разбор сочинений. Не обошлось без язвительных комментариев. Но больше никто не пытался оспаривать ее оценку.

Стелла за свое сочинение получила «отлично». И едва только Антонина объявила оценку, правую щеку что-то больно кольнуло. Она резко повернула голову и увидела, как Бочкин прячет в кулак плевательную трубочку. Это он отомстил ей за Кирсанова. И чувствовал себя героем. У него в мыслях нет, что он может за это поплатиться...

В младших классах Стелла слыла отчаянной, задиристой девчонкой. Она больше играла в войнушки с мальчишками, чем в куклы с девчонками. Но со временем природа взяла свое. Девочка успокоилась, стала тихой и стеснительной. Все эти годы ее держали за тихоню-отличницу. А ведь не такая уж она и безобидная.

Она медленно поднялась из-за стола, подошла к Бочкину и вперила в него пронзительный немигающий взгляд.

– Эй, ты чего? – растерянно захлопал он глазами.

– Вот чего!

Она с размаху и от всей души закатила ему пощечину.

– Солонина! – взвизгнула Антонина. – Что за выходки?

Стелла думала, что ее выгонят из класса вслед за Сергеем. Видимо, учительница так и собиралась поступить. Но в последний момент что-то ее сдержало. Она велела Стелле вернуться за парту. В ее голосе звучали уважительные нотки.

2

Оксанка Каплунова не скрывала своей неприязни. И смотрела на Стеллу из-под ресниц, губы искривлены в презрительной ухмылке. При этом в глазах прячется зависть.

Для нее и для всех Стелла всегда была серой мышкой. Никакой косметики, волосы заплетены в тугую бестолковую косу, зимой и летом одним цветом – длинное коричневое платье и белый фартук, бесформенные башмаки с тупыми носами. Мальчишки не обращали на нее внимания, а девчонки тихонько посмеивались в сторонке. Сами-то они красятся, и школьные платья у них с каким-то неуловимым изыском, совсем не то, что у Стеллы. А Оксанка, та вообще форму не признает. Короткие юбочки, роскошные блузки, туфли на шпильке, всегда напудрена, напомажена, и духами от нее пахнет заграничными. Бывает, прижмут ее учителя, заставят облачиться в школьное платье, так она носит его с таким шиком, будто оно вечернее, а вместо комсомольского значка у нее на груди бриллиантовая брошь.

– Что, Солонина, комсомол тобой заинтересовался, да? – пренебрежительно спросила Оксанка.

– А что? – прямо глядя ей в глаза, спросила Стелла.

Она больше не хотела быть серой мышкой. И Оксанку она нисколько не боится. Все, вышла из детского возраста.

– Горшок тебя вызывает, вот что!

– Ну вызывает, а ты здесь при чем?

– Как при чем? Я тебе сообщаю, что тебя Горшков к себе вызывает.

– А ты что, у него на побегушках? – насмешливо спросила Стелла.

Оксанка изменилась в лице. Как будто наждачной бумагой по щекам провели.

– Кто – я? На побегушках? – взвилась Каплунова. – Ты хоть думай, что говоришь!

Казалось, она вот-вот вцепится ей в глаза своими длинными ногтями. Стелле стало не по себе. Но ее страх остался внутри, не просочился на лицо заискивающей улыбкой.

– Что говорю, то и думаю, – язвительно усмехнулась она.

– Ты... Ты еще пожалеешь, – жадно хватая ртом воздух, пригрозила Оксанка. – Ты... Ты еще получишь за Кирсана...

После того памятного случая уже неделя, как Сергей Кирсанов не появляется в школе. Это у него называлось потеряться. Сергей и раньше подолгу играл в прятки, так что ничего необычного в его столь долгом отсутствии не было. Правда, учителя так почему-то не считали.

– Слушай, а не пошла бы ты!

Стелла не ожидала от себя такой прыти. Но что было, то было. Она нагло оттолкнула Оксанку плечом и вышла из класса. И никто не попытался ее остановить. В спину ей вонзались недобрые, но не лишённые скрытого почтения взгляды.

Она вовсе не хотела казаться резкой, независимой. Это был спонтанный всплеск эмоций. Волнение быстро улеглось, она снова ушла в свой кокон. И в ленинской комнате Стелла появилась в своем обычном дремлющем состоянии. Перед главным комсоргом школы стояла тихая, безобидная девчонка.

Ростислав Горшков учился в параллельном 10-м «А». Круглый отличник, спортсмен-разрядник, активист. И конечно же, образец для подражания. Он важно восседал за столом, покрытым бордовой тканью. Над головой портрет вечно живого Ильича. В углу с правой от него стороны стояло красное знамя, слева – на специальном постаменте – лежали потерянный барабан и медный горн. Возможно, такая обстановка вдохновляла Ростика на пламенную борьбу за дело Ленина. На Стеллу же этот дух классовой казенщины навевал тоску. Может быть, потому сейчас она имела вид более унылый, чем обычно.

Ростик смотрел на нее, но при этом, казалось, вовсе не видел ее. Может быть, в этот момент перед его мысленным взором проходил отряд революционных матросов, перепоисанных пулеметными лентами. Возможно, Ростик восхищался этими людьми. Но вряд ли он хотел бы раствориться в далеком прошлом и примкнуть к солдатам революции. Пулеметные выстрелы и взрывы гранат – это не для него. Такие хорошие мальчишки, как он, куда более комфортно чувствуют себя в мирной обстановке, когда можно сколько угодно сотрясать воздух пламенными речами без риска схлопотать кулацкую пулю. Впрочем, Стелла могла и ошибаться. Может, Ростик – это второй матрос Железняк, и при первом же удобном случае он совершит подвиг.

– Ну, здравствуй, Солонина, – вальяжно изрек Ростик.

И ленивым движением руки показал на стул. Стелла присела.

– Разговор у меня к тебе.

Стелла безмолвно пожала плечами. Это его разговор, значит, пусть он и говорит. А она будет молчать и слушать.

– Что там у вас с Кирсановым произошло?

Ростик снисходительно посматривал на нее и небрежно постукивал карандашом по столу. Он совершенно не воспринимал Стеллу как серьезную фигуру, поэтому мог позволить себе пренебрежительное к ней отношение.

– Ничего, – тихо ответила она.

– Как это ничего? Он же Антонине Михайловне гадости всякие говорил.

– Ну и что? Я-то здесь при чем?

– Как это при чем? Ты ж ему подножку поставила. Это значит, что тебя возмутил его проступок. Значит, в тебе заговорила твоя комсомольская совесть... В общем, так, Солонина, лично я очень возмущен поведением Кирсанова. К тому же, как ответственное лицо, я просто обязан принять меры...

– Какие меры? Кирсанов же не комсомолец, – вспомнила Стелла.

– Да, он не член ВЛКСМ, – с досадой согласился Ростик. – Зато я состою в комсомоле и занимаю достаточно ответственный пост. Я обязан отреагировать на выходку Кирсанова. Чтобы ты знала, я собираюсь поднять вопрос о его отчислении из школы...

Стелла тоже могла бы поднять вопрос. Кто такой Ростик, чтобы выгонять Сергея из школы? Есть педсовет, есть директор, есть РОНО, наконец. Ростик мог бы исключить его из рядов ВЛКСМ. Но Кирсанов никогда не был комсомольцем. И сам не хотел, да и по ряду известных причин школьный комитет на них не принимал его кандидатуру. Двоечник, разгильдяй и хулиган. С такими характеристиками только в тюрьму...

– Пожалуйста, поднимай, мне-то что... Ты, Ростик, чего от меня хочешь? – только и спросила Стелла.

Горшков зыркнул на нее недовольным взглядом. Может быть, он считал, что ей должно обращаться к нему на «вы» и по имени-отчеству? С него станется. Такие люди от скромности не умирают... Ростик был симпатичным мальчиком, чистеньким, аккуратным, всегда в костюме при галстукке, брюки отутюжены, туфли до блеска начищены. Стелла не собиралась оспаривать его право быть примером для всех. Но при этом к лоботрясу Кирсанову она испытывала куда больше уважения. И даже недавний случай не убил в ней симпатию к нему. А Ростик... По идее, он должен был нравиться ей. Но ей и видеть его не хотелось. Было в нем что-то отталкивающее.

– Солонина, я что-то не пойму, – сквозь хищный прищур посмотрел на нее Ростик. – Ты же комсомолка, ты по определению должна стоять на активной жизненной позиции. А ты, я вижу, самоустранишься. Тебя что, не волнует судьба нашего коллектива? Может, тебя не волнует будущее нашей великой державы?..

Что-что, а говорить Ростик умел. Не зря же, помимо своей школьной должности, он еще является членом районного комитета ВЛКСМ.

– Я спрашиваю, чего ты от меня хочешь? – начала заводиться Стелла.

Ее раздражал этот мажорный мальчик. Может быть, поэтому ее и в самом деле мало трогали интересы державы. И вообще, при чем здесь судьба страны, если разговор идет о Сергее Кирсанове. Не много ли Ростик на себя берет?

– Солонина, ты меня удивляешь, – нахмурился Ростик. – Ладно, если ты имеешь неправильное представление о своем долге перед страной и обществом, придется мне лично провести с тобой разъяснительную работу. Как честная комсомолка, ты обязана обличить Кирсанова, должна написать открытое письмо на имя директора школы с требованием избавить коллектив от балласта, коим он является...

– Кто является балластом? Директор школы?! – Стелла возмущенно вскинула брови.

Горшков аж вздрогнул.

– Ты что несешь, Солонина? – ошеломленно заморгал он глазами. – Ты вообще как можешь такое говорить?.. Да, не ожидал я от тебя такого!

– А чего ты от меня ожидал? – усмехнулась Стелла.

Все, нет больше мягкой пушистой тихони. Есть колючий ежик...

– Не понимаю я тебя, Солонина. – Ростик смотрел на нее совсем другими глазами.

Да он побаивается ее! И куда только делась начальственная спесь.

– Не понимаю, – с осуждением качал он головой. – Ты должна была проявить комсомольскую сознательность, а ты...

– Не буду я писать никаких писем. Не буду, и все! Сами со своим Кирсановым разбирайтесь, а меня приплетать не надо. Еще вопросы есть?

– Есть... Есть у меня вопросы... Что происходит с тобой, Солонина?

– Я не знаю, что со мной происходит. Но никакого письма ты от меня не дождешься, так и знай. Все, я могу идти?

– Иди, – растерянно кивнул Ростик. И уже вдогонку бросил: – Смотри не пожалей.

Жалеть Стелле ни о чем не пришлось. Ростик не стал поднимать вопрос о ее несознательном поведении, не стал требовать ее исключения из комсомола. Это было бы смешно с его стороны. Он просто забыл о ее существовании. А Кирсанова из школы все же выгнали. И ходатайство Горшкова здесь было ни при чем. Сергей попросту не посещал занятия. Не хотел, и все. А кому нужен такой ученик?

Жизнь продолжалась. Через три месяца после памятного разговора с Горшковым для Стеллы прозвучал последний звонок. Выпускные экзамены, аттестат с одними пятерками. И школьный бал, как первый шаг в независимое будущее. О Кирсанове она ничего не слышала. Да и слышать не особо хотела. У него своя жизнь, у нее своя. Если ему в самом деле светила тюрьма, то ее ждал институт.

В их Красномайске было всего два института. Архитектурно-строительный и горный. Стелла выбрала первый. Геологом ей быть вовсе не хотелось, а сидеть за кульманом где-нибудь в проектно-институте – милое дело. К тому же она отлично рисовала. Даже художественную школу в свое время закончила. Так что за первый экзамен – рисунок – совершенно не переживала. И с черчением у нее тоже все в порядке. Сочинение также не проблема. Вот с физикой сложнее. Вроде бы и пятерка в аттестате. Но реальный уровень знаний не очень высокий. Но ничего, она осилит этот экзамен. Стелла была настроена на победу. И решимости ей не занимать.

3

В институт она поступала не одна. Вместе с ней собиралась сдавать экзамены Алла Звонарева из бывшего параллельного класса. Свои одноклассницы Стеллу не жаловали. Для них она так и осталась синим чулком, недостойной внимания. А с девчонками из «А» класса она дружила. И Алку знала хорошо.

Звонарева была взбалмошной девчонкой. Симпатичная, фигуристая и модница. Училась так себе, школу закончила с тройками и четверками. Но архитектурный институт ей был нужен. И не только для самоутверждения.

– Ты знаешь, как наш городской архитектор живет? – рассказывала она. – Вот если ты дом хочешь строить, знаешь, сколько за проект нужно заплатить, о-о!

В этом «о» заключалась цель ее жизни. И если она хотела стать классным специалистом, то только для того, чтобы что-то с этого иметь... А в принципе, она права. Человек должен стремиться к лучшему. Это обезьяне ничего не нужно. Только пальмы и бананы. Потому она до сих пор остается обезьяной... Стелла так подумала. Но вслух ничего не сказала. Да и некогда было болтать. Она готовилась к экзамену сама и попутно тянула за собой Алку. Вот ее-то хлебом не корми, дай только языком почесать.

– Стелка, все, устала я от твоего черчения, – заявила Алка. – Надо передышку сделать. И так жарко, да еще эта зубриловка. Сгорю ведь. И ты, между прочим, будешь виновата. Да, представь себе!

– Уже представила, – улыбнулась Стелла. – Давай отдохнем часик.

– Какой часик? Тут одним часом не обойдешься. День, как минимум.

– Какой день? Послезавтра первый экзамен, а нам еще столько нужно пройти.

– Уморила ты меня своими экзаменами... Знаешь-ка, а давай сегодня на дискотеку сходим, а?

– Какая дискотека? Заниматься надо.

– Вот ты зануда. И как тебя только земля носит!.. Ты ведь уже, считай, без двух минут студентка. И на взрослых танцах ни разу не была. Как узнают в институте, что ты белая ворона, заклюют... Э-эх, жаль, что институт в нашем городе. Хорошо бы в Москве учиться. Чтобы в общежитии жить. Что хочешь, то и делай, никто и слова не скажет. А здесь мать своими придирками уже достала...

В отличие от подруги Стелла из отчего дома уезжать не хотела. С матерью они жили хорошо. Бедно, правда, но на это никто из них не жаловался. Отца у нее не было. Мать говорила, что он был летчиком-испытателем и разбился, когда Стелла была совсем маленькой. Что-то не очень верилось в это. Но и сказку разрушать не хотелось. Пусть все будет, как рассказывала мать. Красивая ложь иногда бывает лучше горькой правды...

– Ну так что, на танцы идем? – напористо спросила Звонарева.

– Не знаю, – пожала плечами Стелла.

В принципе, Алка права. Надо быть как все. Ей уже семнадцать, а она еще ни разу не была на городской дискотеке – школьные вечера не в счет. А ведь она уже, считай, взрослая. Как бы в самом деле не засмеяли.

– Значит, идем! – решила Алка.

Стелла сдалась. В конце концов, нет ничего страшного, если она проведет этот вечер в парке на танцплощадке. От нее же не убудет. И интересно узнать, какой жизнью живут ее ровесницы. А то все дома и дома. Пора выходить в свет...

Звонарева пришла в ужас, когда увидела, во что нарядилась Стелла. А ей так нравилась эта розовая шелковая блузка с большим бантом, зеленая длинная юбка также смотрится на ней неплохо. И белые туфли с латунной пряжкой почти новые.

– Ну и что это такое? Что это за дурацкий бант? А цвет, а покрой? Мрак! Средневековье! А юбка? Ты что, в монашки записалась? И туфли не в цвет. Да и не носят сейчас такие... Какой у тебя размер?

– Тридцать седьмой.

– Считай, что тебе повезло. У меня тоже тридцать седьмой. И одежда у нас одного размера... Короче, поехали ко мне. Я тебя в порядок приводить буду...

Алка загорелась идеей сделать из Стеллы человека. Она повезла ее домой. По пути они заскочили в парикмахерскую. Долгих три часа ей делали прическу, разумеется, по проекту Звонаревой. Дома она усадила Стеллу перед зеркалом, сама напудрила ее, накрасила ей губы импортной помадой, тушью намазала ресницы, косметическим карандашом подвела брови. На это ушел целый час. А время уже восемь. Дискотека уже началась. Но Алка не торопилась.

– Платье у меня есть вечернее, – тархтела она. – У-у, класс! Я с предками в ресторан ходила. Знаешь, как на меня смотрели! Я думала, мужики меня съедят... Только это не для дискотеки. Нечего бисер перед свиньями метать. Я тебе джинсы свои дам. Настоящий «Авис». В обтяжечку, все как положено. В общем, сама увидишь...

На дискотеке они появились в десятом часу. Если верить подруге, Стелла выглядела на все пять баллов. Модная маечка с какой-то иностранной надписью, фирменные джинсы, туфли

на шпильке, с плеча свисает изящная дамская сумочка. И как приложение ко всему – модная прическа и косметика на лице.

На Стеллу обращали внимание. В глазах парней угадывалось восхищение, некоторые же девчонки смотрели на нее с неприязнью – верный признак зависти. Значит, она в самом деле выглядела на все сто. И наверное, впервые в жизни никто не считал ее синим чулком. Если, конечно, скинуть со счетов кое-кого из одноклассниц.

– Солонина! – окликнул ее знакомый голос.

Стелла обернулась на звук и увидела Оксанку Каплунову. Она шла от кассы с билетами под ручку с каким-то парнем. На губах ядовитая ухмылка, в глазах пренебрежение.

Она отделилась от своего ухажера, подошла к Стелле.

– Тебя и не узнать, – презрительно хмыкнула она. – Вырядилась-то как, а!

– Как?

– Неважно как. Все равно, как была клушей, так клушей и останешься...

Оксанка ошибалась, если думала, что Стелла стушует и потупит глазки. Сегодня она как никогда была уверена в себе. И ехидное словцо само напросилось на язык.

– Это если на тебя равняться, тогда точно клушей останешься!

Это было сказано с такой гордостью за себя, с таким вызовом в голосе, что Оксанка не нашла, что ответить. От возмущения она хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Стелла повернулась к ней спиной и продолжила путь.

– Ну ты, подружка, даешь! – восторженно протянула Алка. – Как ты эту дуру обломала! Блеск!.. А ты в самом деле не клуша. Видела бы ты себя со стороны. Класс!

Они зашли на площадку. Стелла не решилась с ходу нырять в дергающуюся толпу. Для начала хотелось просто оглядеться по сторонам, на людей посмотреть. Свободных мест на скамейках не было, поэтому они с Алкой просто отошли в сторонку.

– Ну как? – спросила подружка.

– Да вроде ничего, – пожалала плечами Стелла.

Откровенно говоря, голова кругом не шла. Ну, музыка грохочет, накрашенные девчонки танцуют, хмельные парни друг за другом по периметру носятся. Уж принца под алыми парусами среди них не встретишь. Этим честные девушки не нужны, им развратных девок подавай. Бутылка бормотухи, пачка «Примы» и разнузданная любовь в камышах до первого аборта. Нет, такая жизнь не для Стеллы. Принц ей не нужен. Достаточно самого обыкновенного парня, лишь бы был порядочным и непьющим. И главное, чтобы она его полюбила. Они поженятся, создадут семью. Она закончит институт, устроится на работу, со временем будет квартира. Жизнь удалась... Стелла поняла, что ее тянет куда-то в облака. А вокруг неуютная действительность – как гиря в ногах. Не оторваться от земли, не улететь. Разве что домой можно уйти. Но там скучно. А здесь хоть какая-то жизнь. Даже азарт какой-то появляется. Интересно знать, что будет впереди...

А впереди был какой-то парень с большой головой и приплюснутым, как у бульдога, лицом. На вид лет двадцать. Несвежая клетчатая рубашка, мятые брюки. От него несло перегаром и жженым табаком. Он нахраписто смотрел на нее и нагло ухмылялся.

– Танцуешь? – грубо спросил он.

– Танцую, – кивнула Стелла. – Танцую, пою, играю на фортепьяно...

– Ты че плетешь?

– И плету, и вяжу, и вышиваю крестиком.

– Че? – очумело смотрел на нее парень.

– Крестиком, говорю, вышиваю, – обезоруживающе улыбнулась Стелла.

– Ты че, дура?

– Ну да, дура. Знаешь, почему ты ко мне подошел? Потому что дурак дурака видит изда-лека.

– Слушай, ты че несешь?

– И несу, и везу, и на тележке катаю...

– Не, ну ты коза! Ты че из себя ставишь, а?

– Может, уйдешь, а? Достал ведь! – сверкнула взглядом Стелла.

– Ты че, припухла? – разозлился грубиян. – Ты че, давно не отгребала?.. А ну пошли!

Он резко схватил ее за руку и с такой силой дернул на себя, что у Стеллы от земли оторвались сразу обе ноги.

– Пусти, скотина! – взвизгнула она.

Но негодяй еще крепче сжал ее руку. И продолжал тянуть ее к выходу. Стелла думала, что кто-нибудь заступится за нее. Но увы. Самое большее, чего она смогла дожидаться от толпы, – это сочувствующие взгляды девчонок. Одна только Алка бежала за ней вслед, но у нее не хватало смелости встать на пути у пьяной сволочи.

Стелла упиралась, но это не помешало наглецу вытащить ее с площадки. Он сам обладал недюжинной силой, мало того, ему помогли его дружки. Мерзавцы тянули ее в парк, в темное место. Но дальше пяточка перед входом не ушли. В самый последний момент дорогу им перегородили два парня в джинсовых куртках. В тусклом свете фонаря Стелла смогла разглядеть их лица. Одного она узнала. Это был Сергей Кирсанов.

«Вот и все!» – мелькнула в голове ужасная мысль. Стелла почему-то решила, что пьяный негодяй и Сергей из одной компашки. Скорее всего это Кирсанов жаждет над ней расправы. Сегодня он отомстит ей за унижительную для него подножку...

– Ты че делаешь, баран? – грозно спросил Кирсанов.

Мерзавец остановился как вкопанный.

– Ты чего там вякнул? – возмущенно скривился он.

– Девку отпусти, я сказал!

Сергей с интересом разглядывал Стеллу. В его глазах появилось узнавание... Нет, Кирсанов не из одной компании с этим сволочьем. Он даже собирался вступить за Стеллу. Но, увы, он ее узнал. И сейчас он отойдет в сторону, и ее поглотит страшная темнота парка.

Но Сергей не уходил.

– Ты че, не понял, урод? – сжимая кулаки, гаркнул он.

Пьяный мерзавец разжал руки, и Стелла смогла вырваться из его железных тисков. Она хотела убежать, но что-то удерживало ее на месте. Она лишь отошла немного в сторонку.

– Ты кого уродом назвал? – взвыл от обиды грубиян.

И в ярости бросился на Сергея. Но тот ловко нырнул под его руку и ударил кулаком в живот. Негодяй согнулся в три погибели, и тут же Сергей приголубил его локтем по шее. Удар был очень сильным – мерзавец без чувств рухнул на землю.

Его дружки не разбежались в стороны. И вдвоем как по команде ринулись на Сергея. Но и его товарищ не остался в стороне. Завязалась потасовка. Сергей дрался отчаянно, и скоро его противник лежал на земле. И его друг тоже добивал своего.

В другой ситуации эта жестокая сцена вызвала бы у Стеллы отвращение. Но сейчас она была вне себя от восторга. Так приятно было осознавать, что Сергей оказался настоящим рыцарем. Он смог вырвать ее из мерзких объятий подлецов. И не значит ли это, что с этих пор она принадлежит ему?

Сергей несильно пнул ногой поверженного противника. Отряхнулся, как бы сбрасывая с себя злость. Посмотрел на Стеллу и улыбнулся. А ведь он не держит на нее обиды. Настоящие мужчины не могут обижаться на женщин...

Сергей сделал шаг к ней, но его остановил милицейский свисток.

– Кирсан, атас! – крикнул его дружок. Сергей кивнул, соглашаясь с ним. Одарил Стеллу пылким взглядом и повернулся к ней спиной. Всего несколько мгновений, и он уже исчез из вида. Вместо него на сцене появились четыре парня с красными повязками.

Дружинники бросились в погоню за Сергеем и его дружкой. Но, видно, они быстро поняли, что дело это безнадежное. И вернулись обратно. Правда, к этому моменту пострадавшие уже исчезли с места происшествия. Осталась только Стелла. В окружении зевак.

Она узнала одного из дружинников. Ростик Горшков держался, как обычно, по-начальственному заносчиво. Еще бы, ему всего семнадцать, а он уже командует двадцатилетними парнями. Стелла сразу поняла, что Ростик старший патруля. На правах члена районного комитета ВЛКСМ. К ней он подошел с важным видом.

– Что-то лицо, смотрю, знакомое. – Он рассматривал ее не без интереса. – Солонина, ты, что ли?

– Вообще-то меня Стелла зовут, – неприязненно повела она бровью.

– Ах да, Стелла. Красивое, между прочим, имя.

– Клара красивей.

Эти два слова сами сорвались с языка.

– При чем здесь Клара? – не понял Ростик.

– При том, что и Роза, – язвительно улыбнулась Стелла. – Клара Цеткин, Роза Люксембург. Ты же обожаешь пламенных революционерок. А я кто? Я просто...

Стелла поняла, что ее несет куда-то не туда. И умолкла. Не надо давать волю своим чувствам. Сейчас хоть и не тридцать седьмой год, но насмехаться над классовыми идеалами не стоит. Как бы не аукнулось. Возьмет Ростик да звякнет в институтский комитет комсомола. Так, мол, и так, в ваши ряды пытается затесаться несознательный элемент с безыдейным именем Стелла.

– Ну-ну, продолжай, продолжай... – снисходительно усмехнулся Ростик.

– В общем, я недостойна твоего внимания.

Все, больше она не скажет ни слова. Что-то разговорилась она сегодня.

– Ну почему недостойна? – покачал головой Горшков. – Может быть, и достойна... Если честно, я не сразу тебя узнал. Изменилась ты. Какая была и какая стала, м-да...

К Ростикуну подошел его напарник. Взглядом показывая на Стеллу, что-то шепнул на ухо. Ростик недоуменно повел бровью.

– Так это из-за тебя была драка? – спросил он. – Может, расскажешь, что здесь случилось?

– Расскажу, – кивнула она. – И даже открытое письмо могу написать.

– Какое письмо?

– А помнишь, ты хотел, чтобы я Сергея Кирсанова обличила? Так вот, я хочу сделать наоборот. Я хочу, чтобы все знали, какой он герой...

– Так это он тут набедокурил? – Ростик озадаченно потер пальцами мочку своего уха.

– Набедокурил? Да нет, он-то как раз ни в чем не виноват. Чтоб ты знал, он меня от пьяных выродков спас. Они меня в парк тащили, а Сергей их за это побил.

– Получается, это он инициировал драку, так?

– Что-что? – изумленно посмотрела на него Стелла.

– А ты знаешь, что это называется хулиганством? А это, между прочим, статья Уголовного кодекса...

– Ты хочешь сказать, что Сергей – преступник?

– Этот вывод напрашивается сам по себе.

– Так что, по-твоему, было бы лучше, если бы меня затащили в кусты и... Ростик, ты хороший парень. Отличник, спортсмен, активист. На страже социалистической законности вот стоишь. Молодец. Только извини, пожалуйста, но я видеть тебя не хочу!

Стелла смерила его презрительным взглядом, развернулась на сто восемьдесят градусов. И тут же столкнулась взглядом с Оксанкой Каплуновой. Та смотрела на нее злыми и завистливыми глазами. Стелла с трудом удержалась, чтобы не показать ей язык. В данном случае

детские ужимки неуместны. Сейчас самое то – гордо вскинутая голова и равнодушный взгляд. Похоже, у Стеллы это получилось.

Они с Алкой подходили к троллейбусной остановке, когда их нагнал Ростик.

– Тебе чего? – холодно спросила Стелла.

– Как это чего? – Его взгляд был крепче стали, как у товарища Дзержинского на картине неизвестного художника. – Ты подверглась бандитскому нападению. И я не могу допустить, чтобы эти подонки снова пристали к тебе. Стелла... – На какой-то момент в его глазах появилось нормальное человеческое тепло. И снова взгляд полон классовой ненависти к врагам народа. – Стелла, я обязан проводить тебя домой.

За ним, метрах в десяти, плотным строем шли его подчиненные. Они как бы подчеркивали официальность его намерений.

– Ну что ж, если это входит в ваши обязанности, товарищ Горшков, я согласна.

Алка смерила его насмешливым взглядом:

– Ростик, а Ростик, будь попроще, и люди к тебе потянутся.

Ростик пропустил ее реплику мимо ушей.

Какое-то время они молча стояли в ожидании троллейбуса. Затем Ростик сказал:

– Ты, Стелла, конечно, права. Сергей Кирсанов поступил благородно, что вступился за тебя. Но...

– Что «но»? Не надо было этого делать? – усмехнулась Стелла.

– Ну почему не надо? Надо! Просто я кое-что знаю про Сергея.

Ростик был смущен. И отводил в сторону глаза. Непривычно было видеть его таким.

– И что ж ты про него знаешь? Хулиган, двоечник, прогульщик, да?

– Нет, все гораздо серьезней. Школьные дела в прошлом... Сергей, как бы это тебе сказать... Сергей связался с очень нехорошими людьми. Это преступники. Точнее сказать, уголовники... В общем, я точно не знаю, что да как. Но ничего хорошего его в этой жизни не ждет. Понимаешь, он идет своей дорогой. А эта дорога скользкая. Поскользнется он когда-нибудь...

– Зачем ты мне это говоришь? – в упор смотрела на него Стелла.

Ей не нравился этот разговор. С одной стороны, она понимала, что Сергей далеко не паймальчик и запросто мог спутаться с уголовниками. Но в то же время сегодня он предстал перед ней с благородной стороны. И она не хотела слышать о нем ничего плохого.

– Зачем я тебе это говорю? – пожал плечами Ростик. – Не знаю. Мне почему-то кажется, что ты превозносишь Сергея...

– Даже если так. Тебе не кажется, что это мое личное дело?

– Ты же комсомолка...

– Чего? – напористо возмутилась Стелла. – При чем здесь это?

– Да в принципе ни при чем, – замялся Ростик.

Стелла смутно ощущала свою власть над ним. Она не могла им командовать. Зато могла дерзить ему, даже грубить. А он все будет терпеливо сносить... Что же это такое случилось с начальственным мальчиком, куда делась вся его важность?.. Кажется, она знала ответ на этот вопрос. Хотя и не была уверена, так это на самом деле или нет.

– Просто я хочу предостеречь, – продолжал Ростик.

– От чего?

– От кого. Я не хотел бы, чтобы ты связывалась с Кирсановым...

– А кто тебе сказал, что я с ним связываюсь? Между нами ничего нет. И не было... Я не пойму, к чему ты вообще завел этот разговор?

– Ну, мне показалось... Действительно, и к чему я поднял эту тему?

Ростик во все глаза смотрел на Стеллу. Столько в них было огня. И пламенные идеи революции здесь совершенно ни при чем.

– Знаешь, если бы не Кирсанов, я бы и сам помог тебе. Я бы обязательно защитил тебя от тех подонков.

– Ну да, ты же у нас дружинник, – не без сарказма улыбнулась Стелла.

Ростик был очень симпатичным парнем. Высокий, статный, развитый не по годам. Как всегда, наглаженный, прилизанный. Положительный со всех сторон. Но что-то не лежала у нее к нему душа. Зато он тянулся к ней. И это было видно невооруженным глазом.

– Не просто дружинник, – напыщенно заметил он. – А старший дружинник. Комсомол доверил мне...

– Ростик, а давай не будем про комсомол! Не на собрании же мы, да и время позднее... О, троллейбус! Ты, кажется, собирался меня проводить...

– Конечно! – радостно встрепенулся Горшков.

Стелла была к нему равнодушна. И в то же время ей было приятно, что ее провожает домой столь значимый человек.

Глава вторая

1

Сергея запыхался от быстрого бега. Шорох тоже устал. Поэтому им было в кайф закатиться в «Юбилейку».

Это был не самый лучший кабаk в городе. Но Сергею было все равно. Главное, чтобы здесь было суетно, чтобы гремела эстрада.

– Сто грамм и пончик? – весело посмотрел на него Шорох.

– А то! – подмигнул ему Сергей.

Шорох небрежным жестом подозвал официантку. С заказом он не мудрствовал. Дежурное блюдо, салаты и бутылку водки. Заказ он утвердил собственной печатью – шлепнул деваху по пышному заду.

Хотел бы Сергей вести себя так же вольготно и раздольно, как он. Пожалуй, он бы не стал хватать официантку за попу. Но во всем остальном он бы подражал Шороху. Ему нравилась его внутренняя уверенность, его независимость, его наплевательское отношение к обществу.

– Ты, братуха, молоток, – похвалил его Шорох. – Круто ты того кабана с копыт сбил. А тому промеж глаз как вломил, а!

– Да ты тоже в стороне не стоял.

– Ну да я-то ладно. Я таких бакланов еще по первой ходке гасил. На общаке этого хлама валом. Это уже на строгаче люди путевые, а на общаке – чисто беспредел... Слышь, а что это за бикса была, а?

– Да одноклассница моя. Стелла зовут.

– Некислая, скажу тебе, баба. Ты че, запал на нее?

– С чего ты взял? Говорю же, просто одноклассница.

– Ты мне арапа не заправляй, – усмехнулся Шорох.

Он смотрел на Сергея пристальным взглядом. Как рентгеном его насквозь просвечивал.

– Нравится телка, а?

– Не знаю, – пожал плечами Сергей.

Вообще-то Стелла кое-что значила в его жизни.

В тот день, когда она подставила ему подножку, он посмотрел на нее другими глазами. Раньше он не обращал на нее внимания. Серая мышка, синий чулок, тихоня-отличница с дурацкими косичками. А оказалось, она вовсе не такая уж и тихая.

Сергей тогда дал маху. Словно сам дьявол тянул его за язык. Не на шутку разошелся. Таких гнусностей Антонине наговорил. Как будто она не учительница, а дешевая лахудра из его компашки. И самое интересное – весь класс его поддержал. Одна только Стелка догадалась поставить его на место. И правильно сделала... Хотя, конечно, было бы лучше, если бы она не выставлялась. До него бы и самого дошло, какой лажей он училку загрузил. А может быть, и не дошло, кто его знает. А Стелка его вразумила – что было, то было.

С тех пор в школу он ни ногой. Не то чтобы стыдно. Просто надоела ему эта бодяга до чертиков. Давно пора было слинять, да матушка все бодала – учись, учись. А что, если ему неинтересно штаны за партой протирать. Ему бы с пацанами на лавочке в парке сидеть. Там весело. И за жизнь побазарить можно, и винишка хлобыстнуть, и косячком побаловаться. А иногда к ним на огонек шмары знакомые заглядывали. Тогда еще веселей было. С конца, правда, после такого веселья капало. Ну так Зосим у них спец по трипаку и мандовошкам... Да ладно, все это проза жизни. Сегодня была лирика.

Это была идея Шороха – заглянуть на дискач. Они подъехали на его «семере», по темной аллее вышли на танцплощадку. И сразу нарвались на бакланов с девчонкой на буксире. Это была Стелла. Сергей узнал ее не сразу, но узнал. И был приятно удивлен.

Никогда не думал он, что Стелла может стать такой красавицей. Сказка есть про гадкого утенка. Так вот Стелла превратилась в лебедя. Только какие-то уроды уже хотели сделать из нее мокрую курицу. Сергею не надо было объяснять, для чего они тянули девчонку в кусты.

Он и сам далеко не ангел. Но с девчонками по беспределу – никогда. А тут какие-то козлы хотят закозлить деваху. И не абы какую, а Стеллу. Он и без того частенько о ней думал – сам не зная почему. А тут она еще такая красивая... Короче, внутри все поднялось. А потом и опустилось. Вместе с кулаком на голову главного баклана. И Шорох подписался. Нехило они тех уродов отдубасили.

Чего там говорить, в кайф было Сереге рисануться перед Стеллой. Она так на него смотрела. Столько восторга в глазах. Хотел бы он с ней парой слов перекинуться. Да только менты вдруг объявились.

Может, и не менты это были. Может, козлиные красноповязочники. Но Шорох не стал выяснять, что да как. Ему что менты, что дружинники – все едино. Ни тем на зуб не хотелось попадаться, ни этим. Перед законом он вроде бы и чист. Относительно. Но у него такое правило – лишний раз без нужды не светиться.

В общем, пришлось сделать круг по парку, вернуться в машину – и в кабак. Здесь, между прочим, тоже танцы. Какие-то пьяные телки возле эстрады зажигают. Нехилые девки, если разобраться. Только нет среди них Стеллы...

– Слушай, а может, ты меня с ней познакомишь? – спросил Шорох.

– Зачем? – встрепенулся Серега.

– Ты че, в натуре, не въезжающий? Зачем, по-твоему, мужики с бабами знакомятся? А эта бикса смачная. Я бы с ней замутил...

– Обломайся!

Никогда еще он не разговаривал с Шорохом так грубо. Но тот не обиделся.

– Чего так? – понимающе усмехнулся он. – Нравится телка, да? А говоришь не знаю...

– Если говорю, значит, не знаю.

Он знал, что Стелла ему нравится. А не знал он того, нужна она ему или нет. Девчонка она красивая. Но она с чужого огорода. У нее своя жизнь. А у него своя.

Она правильная вся такая. И планы на будущее тоже правильные. После школы институт, затем работа, семья, дети. Скукота. Лично его такая жизнь не прельщала. Он вольный человек. Ему нравится, когда вокруг все куда-то мчится и грохочет. Ему нравится жить одним часом и не думать о будущем. Ему нравится прожигать жизнь... А Стелла суеты не потерпит...

Официантка принесла и поставила на стол графинчик с водкой и салаты. Серега скривил губы в насмешливой ухмылке. Нет, он не будет хлопать ее по пышному задку. Это слишком. Но он запросто может обнять ее за талию и привлечь к себе. Так он и поступил.

– А как тебя зовут? – развязно спросил он.

– Зовут меня после работы, – отстраняясь, усмехнулась она. – И то не для всех.

– А для меня? – неосторожно спросил он.

– А кто ты такой?

Официантка смерила его надменным взглядом и ушла, вихляя задом.

– Что, Кирсан, умыли тебя, да? – насмешливо спросил Шорох.

Серега хотел сквозь землю провалиться от стыда.

– Да ты не колотись, все будет путем. Ты еще фраер. Нет в тебе, понимаешь ли, масти. Но ничего, пацан ты толковый. И масть будет, и халдеи перед тобой стойку делать будут... Хочешь, я с Ленкой перетру? Она с тобой поласковой будет...

– А взамен что?

– Думаешь, я с твоей Стеллой хочу состыковаться? Ты, пацан, плохо обо мне думаешь. Мы с тобой братья, а брат у брата телку отбивать не станет. Я же вижу, братуха, что запал ты на свою Стеллу. Только не нужна она тебе. Не нашего поля она ягода... Да ты и сам это понимаешь. Вижу, что понимаешь...

С Шорохом Серега познакомился пару месяцев назад. В мае они с пацанами устроили бучу на дискотеке. Нарисовались менты. Серега хотел сделать ноги, да не успел. Загремел в каталажку. Зато все его кенты смогли дать деру. Менты давай крутить его на признанку. А Серега ни в какую. Менты буйствовали не сильно. Пару раз буцнули по почкам, один раз зарядили в солнечное сплетение. А затем отпустили его на все четыре стороны.

Пацаны отметили его возвращение грандиозной попойкой. Сначала пьянка, затем похмелье. В общем, гудели они дня три. Как-то так получилось, что в их компашку затесался Шорох.

Этот мужик был лет на десять старше Сергея. Две ходки за его плечами. Обе по воровским статьям. Пацаны его знали и уважали. Серега даже удивился, когда Шорох стал оказывать ему знаки внимания. Только потом до него дошло, в чем дело.

Оказывается, Шорох не просто так привязался к нему. Он выделил его из толпы по одному очень важному признаку. Серега был в ментовке и не сломался. Пусть он залетел по мелочовке, но факт есть факт – корешей своих он не сдал. Значит, благонадежный. А для деловых это значит очень много.

А Шорох был из деловых. Серега догадывался, чем он занимается. И это его не отпугивало. Ему тоже хотелось быть крутым, как Шорох. Тачки, шмотки, кабаки, податливые телки. Везде он кум королю и сват министру. Это среди унылых обывателей он никто, а в темном подлунном мире его любили и уважали. Серегу же пока что признавала только шпана из парка, где стояла его любимая скамейка. А он хотел, чтобы его знала и привечала вся городская крутизна.

Дружба с Шорохом добавила Сереге уважения. Но только среди парковой шпаны. Серьезные же люди если и знали о нем, то лишь понаслышке. Шорох нет-нет забивал с ним стрелку, они ходили по кабакам, пили водку, разговаривали по душам. Но все это называлось ходить вокруг да около. Конкретного предложения Шорох не делал. Видно, он еще не до конца был уверен в своем «воспитаннике».

– А я какого поля ягода? – спросил Серега.

– Нашего поля, – на полном серьезе ответил Шорох. – Если, конечно, тебе это нужно.

– Нужно. Если бы не было нужно, я бы с тобой не тусовался.

– И то верно, – кивнул блатарь. – Нравишься ты мне, пацан. Если бы не нравился, я бы с тобой не корешился. Да ты и сам понимаешь... Короче, есть у меня к тебе серьезное предложение. Думаю, ты догадываешься, какое?

– Догадываюсь, – уверенно кивнул Серега.

– И как тебе?

– Не стремно.

– Ну и ништяк. Тогда завтра мы с тобой одно дельце сварганим. Я тебе завтра все объясню. А пока давай вмажем... Жизнь у нас такая, брат. Сегодня жирная поляна, а завтра гнилая баланда из кормушки. Сегодня телки знойные, а завтра «петух» под шконарем... «Петух» – это помойка, брат. Гнилое дело. Не советую. Лучше с Манькой Кулаковой...

Про тюрьму Шорох рассказывал ему часто и подолгу. Видно, это была психологическая обработка. Видно, блатарь смотрел, как Серега Кирсанов реагирует на перспективу оказаться за решеткой. Надо сказать, что такая перспектива его пугала. Пугала, но не отпугивала. Тем более что в тюрьму он садиться не собирался. Он парень умный. И не даст себя захомутать... О том, что ему вообще не стоит связываться с Шорохом, он даже не думал. Воровская романтика кружила голову похлеще всякой водки.

– Не хочу я с Манькой, – усмехнулся Серега. И взглядом показал на пяточок перед эстрадой. – Смотри, сколько Танек прыгает...

– Во-во! – осклабился Шорох. – Счас мы с тобой бутылек приговорим. Да. А потом выйдем и всех этих кобыл разом... Сегодня мы гуляем, братан. Сегодня у нас все путем!

А что будет завтра, Шорох и думать не хотел. Да и Серега тоже не хотел забивать этим голову.

Напиваться он не стал. Правильные пацаны во всем должны знать меру. По пьяни можно потерять голову, наговорить лишнего незнамо кому, а это палево. Сколько фартовых воров погорели на собственном языке и чужих ушах. Шорох должен знать, что Серега контролирует себя в любое время дня и ночи.

А Шорох не спускал с него глаз. До тех пор, пока сам не уклюкался в зюю. Пьяно пошатываясь, он полез к бабам на танцплощадку. Серега составил ему компанию. Сам Шорох был никакой. Поэтому пришлось действовать и за него, и за себя. Серега снял сразу двух телок. Одна вроде ничего, вторая из кладовки для залежалого товара. Первая досталась Шороху, вторая ему. В этом составе они вышли из кабака и сели в машину.

Шорох протрезвел, едва оказался за рулем своей «семеры». Он собрал в кулак все свое внимание. Правда, его хватило лишь для того, чтобы следить за дорогой. Он даже не заметил, что на переднем сиденье рядом с ним сидит девка, что похуже. Та, которая получше, приземлилась рядом с Сергеем. И как только машина тронулась, сразу же прилипла к нему.

Сергей не растерялся. И тут же запустил руку ей под юбку. Второй рукой он расстегнул ей блузку. В ладонь упал маленький упругий мячик груди. Девчонка жадно задышала и раздвинула ноги...

Плохо соображая, Серега забросил девку на себя, помог ей сесть на луку седла. И они поскакали. Острые ощущения захлестнули его с головой. Он потерял контроль над собой. Но бояться-то нечего. Во-первых, это был не тот случай, когда есть возможность трепать языком. А во-вторых, ему нечем было хвастаться. Только завтра ему предстояло идти на дело. К тому же он толком и не знал, что именно ему предстоит делать.

Он жил сегодняшним днем. И брал от него все, что было возможно. Кабак, водка, веселье и эта баба. Он будет мочалиться с ней до полного не хочу. А потом расстанется с легкой душой. Хотя бы потому, что она не вписывается в завтрашний день...

2

– Ты, ешкин кот, какого ляда Люську трахнул? – мрачно спросил Шорох.

– Сама полезла, – уныло буркнул Серега.

Надо было тянуть на себя эту шалаву. Не хватало еще с братаном из-за нее поссориться.

– Конченная, потому и полезла... Ладно, не стремайся, все путем. Мы с этой лярвой все утро зажигали. Я на тебя не в обиде... Ты просто больше так не делай. Я ж на твою Стеллу не лезу...

– Но так то ж Стелла, – угрюмо почесал затылок Серега.

Стелла – это и есть его завтрашний день. Если бы у него с ней вчера все случилось, он бы Шороху ее не отдал, это верняк. А Люська – лоханка по жизни, да и нет в ней ничего, чем можно было бы дорожить. Другое дело – Стелла... Но с ней лучше не мутить. Зачем портить бабе жизнь. Да и самому проблемы создавать ни к чему...

– Короче, дело к ночи, – сказал Шорох. – Как ты себя чувствуешь?

Это он должен ломаться с бодуна. Это он бухал всю ночь с толстой Ирккой, а потом все утро жахал знойную Люську. А Серега в четыре утра был дома и лег спать. К тому же и выпил он вчера не так уж много. Но сегодня Шорох свеж как огурчик. А у него голова раскалывается и трубы горят.

– Да ничего, жить можно.

– Я тебе про дело вчера говорил, – заговорщицки оглядываясь по сторонам, напомнил Шорох.

– А я ничего не забыл.

Они сидели на пустой скамейке в дальнем углу парка. Никто не мешал их разговору. На деревьях чирикали птички, ветер шумно гулял по листве. Но Сереге казалось, что вокруг стоит мертвая тишина. Может быть, потому, что каждое слово отдавалось в ушах набатным звоном.

Он явственно осознал, что сегодня ему предстоит перешагнуть черту, отделяющую его от привычного мира. Сегодня он шел на дело. А если точнее, на преступление. Событие для кого-то страшное, для него лишь щекотливое. Чувства обострены, совесть под панцирем. Сознание настраивается на фартовую волну. Все будет зашибись. Во всяком случае, сегодня. Серега чует это всеми фибрами своей рискованной, ветреной души.

– Ты готов? – пристально глядя ему в глаза, спросил Шорох.

– Готов, – кивнул Серега.

– Идешь?

– Иду!

Он знал, на что шел. Его желание было осознанным. И все равно, возникло такое ощущение, будто за него соглашается кто-то другой.

Шорох поднялся со скамейки, не оглядываясь, пошел по аллее. Серега направился за ним.

Они вышли к его «семерке». Шорох распахнул водительскую дверцу.

– За баранку давай, – сухо сказал он.

– Я?!

– Ты.

– Почему?

– По кочану. Вперед, я сказал.

Серега сел за руль. Шорох устроился рядом, захлопнул за собой дверцу.

– Куда едем?

– За город. Просто за город... Что ты на меня смотришь? Ты же говорил, что можешь тачку водить. Вот я и хочу посмотреть, фуфлом ты меня грузил или по делу говорил...

На машине Серега ездить умел, но неважно. У родного дядьки собственный «ВАЗ-2102». Он ему пару раз давал прокатиться. Но где? На проселочной дороге. Типа, взлет-посадка и никаких маневров.

Серега сумел стронуть машину с места. И рывок был не очень. Правда, машина заворчала и задержалась, когда он переходил с первой скорости на вторую. Шорох недовольно скривил губы, но промолчал.

Водила из него аховый. Но «учитель» ждет от него классной езды. Так что нужно собраться, из невозможного делать возможное.

На первом же перекрестке Серега едва не врезался в «КамАЗ». Но после такого потрясения сумел взять себя в руки. Успокоился, сосредоточился. Машина пошла ровно, без рывков.

На загородной дороге он осмелел, прибавил газу и даже обогнал «четыреста двенадцатый» «Москвич». Затем взял «Волгу» и «Жигули» шестой модели. Сцепление и коробка передач окончательно сдались ему на милость. Скорости переключались легко и непринужденно.

Так они катались около двух часов. И уже в темноте вернулись домой. Попутно Серега освоил ночное вождение.

– Сдается мне, что ты и ездить толком-то не умел, – с хитрой прищурью смотрел на него Шорох.

– Ну почему, трогаться-то умел...

– Хреново ты трогался. Чуть сцепление мне не запорол... Ладно, что было, то было. Я смотрю, ты быстро освоился. До мастера тебе как до Киева раком, а так вроде ничего. Для

первого раза сгодится... Так, давай еще по городу немного покатаемся, а потом разбегаемся по домам...

– Как по домам? А дело?

– Так это и было дело, братан, – усмехнулся в ус Шорох. – Считаю, что с ним справился...

Завтра еще лайбу погоняешь. А потом я тебе кое-что покажу...

На следующий день Сергей снова встретился с Шорохом. И опять ездил на его машине. Целый бак сжег. Устал. Но это была приятная усталость.

– Нормально, – одобрительно заметил «наставник». – Надо бы тебе права пробить.

– Так это уж учиться нужно, потом в ГАИ сдавать.

– Да ты не робей, все ништяк. Есть у нас свой человечек в ментовке, он поможет... Что ты зенки на меня пялишь? Да, знакомый мусорок у нас есть. А ты думал, мы щи лаптем хлебаем. Не-а, у нас организация, все чин-чинарем. Все схвачено, за все заплачено...

Сергея верил Шороху. И если у него были какие-то сомнения, то сейчас от них не осталось ни следа. Он вступает не в какую-то шарашкину контору. Он становится членом могущественного криминального клана. А как же иначе, если у этой организации имеются прикормленные менты. Коли все действительно шито-крыто, то чего бояться. Если он вдруг попадет в ментовку, новые друзья его оттуда вытащат. Нужно лишь доказать Шороху, что у него есть право быть своим.

Эту ночь Серега спал как убитый. Только к обеду продрал глаза. Умылся, побрился, плотно пообедал. Сегодня его ждет первое дело. Он должен быть бодрым и сытым, чтобы не зевать и не думать об ужине, которого может и не быть.

С Шорохом они встретились возле парка. «Наставник» приехал на другом авто. Это была синяя «шестерка» с заляпанной грязью номерами. Кроме него, в машине сидел какой-то паренек лет двадцати. Клетчатая кепка, темная рубашка, черные, не первой свежести брюки. Он смолил «беломорину» и рассматривал Серегу изучающим взглядом.

– Знакомься, это Хлопчик, – представил его Шорох.

Серега подал ему руку, но паренек обозначил знакомство лишь надменным кивком. На его тонких губах играла пренебрежительная ухмылка. Двинуть бы ему промеж глаз, чтобы не задавался. Но разумеется, Серега делать этого не стал. Он просто потерял к этому субчику всякий интерес. Вел себя так, как будто его здесь не было. Хлопчик отвечал ему взаимностью.

Шорох повел машину в Заречный микрорайон. Остановился во дворе высотного дома.

– Что делаем дальше? – насмешливо спросил он у Сереги.

– Выбираем объект...

Серега уже точно знал, чем занимается Шорох. И чем предстоит заняться ему самому. Сегодня он должен был угнать свою первую в жизни машину. Вернее, присутствовать при этом.

– Объект уже выбран, – усмехнулся Шорох. – Спасибо Хлопчику!

Паренек скривил рот в довольной улыбке и заносчиво глянул на Серегу. Мол, знай наших!

– Вон, видишь, красная «семера», – показал на обреченную машину Шорох. – Наш вариант. Правда, сейчас еще не время. Народу много. Мы пока покатаемся.

– Зачем?

– Не «зачем», а «для чего»? Запомни, если ты не хочешь, чтобы тебя повязали менты, стыкуй пути отхода. И чтобы на стыках все было путем. Маршрут, ширина полотна, покрытие – все важно. Дальность, пространство для маневра, и это в цвет. Будешь это знать – влет уйдешь от ментов на скорости. А самая фишка – по ложному следу их пустить. Ты меня понял?

– Понял, – кивнул Серега.

Кровь пузырилась от возбуждения. Хотелось поскорей познать азарт удачи и сумасшедший ритм погони.

– Да ничего ты не понял. Пока шкурой своей не прочувствуешь, в поворот не впишешься...

Шорох отлично знал город, знал, какими улицами лучше всего уходить. Казалось бы, ему не обязательно было «щупать глазами» путь отступления. Но всю дорогу он был хмур и сосредоточен. Казалось, нитка дороги наматывается на его сознание. Лишь изредка он бросал мудрые изречения:

– Не будешь знать отходной путь – будешь читать отходную молитву...

И все остальное в том же духе.

Весь путь от начала до конца он прошел целых два раза. И только после этого взялся за основную работу.

Хлопчик встал на шухер. В его обязанность входило стоять возле подъезда, в котором жил терпила. Если мужик вдруг выбежит, он собьет его с ног, закричит и даст деру. Шорох и Серега должны будут воспользоваться заминкой и, если позволяет время, довести дело до конца, а нет – задать стрекача.

Время позднее. Половина двенадцатого ночи. Но двор не пустует. Метрах в пятидесяти от машины на скамейке сидит молодежь и пьет пиво под гитару. Хотел бы Серега быть сейчас вместе с ними. Так хорошо сидеть на скамейке, дышать полной грудью, смаковать хмельную влагу. И ничего не бояться. Но делать нечего, он уже взялся за гуж, так что придется тащить телегу до самого конца.

Шпана Шороха не волновала. И случайные прохожие мало трогали. Он подошел к машине по-хозяйски уверенной походкой. Серега рядом с ним. Он заслоняет его от света и посторонних взглядов. Никто не видит, что вместо ключей Шорох достает из кармана плоское долото, отточенным движением вставляет его в плотный зазор между верхним срезом стекла и кромкой дверной рамы. Раз – и стекло опускается на сантиметр. Дальше в ход идет спица со специальной петлей. Ею Шорох ловко поддевает дверную защелку. Два – и дверь открыта.

Шорох проделал все это с потрясающей быстротой и сноровкой. Со стороны могло показаться, что машина открыта ключом.

Сам он сел за руль, Серега примостился рядом.

– Быстрее надо, – недовольно буркнул Шорох. – Смотри!

Он показал ему, как нужно ломать рулевую колонку, чтобы разомкнуть руль. На его глазах вырвал из гнезда замок зажигания, переключил клеммы – мотор завелся. Сереге казалось, что машина не просто работает, а зло ворчит на них. Не нравятся ей новые и к тому же незаконные хозяева. Но судьба злодейка, и «жигуль» уже несется по ночным улицам города. На поворотах руль заедает, но Шорох этого как будто не замечает. Он спокойно идет по выверенному маршруту. За Хлопчика не переживает. Наводчик и сигнальщик уже уносит ноги на «шестерке» с заляпанными номерами.

– Хорошая машина, – сказал Шорох, когда они с Серегой оказались за городом. – Эта еще побегаёт... Была бы старая, на запчасти бы двинули. А на эту новые документы слепят, перекасят, номера перебьют да в Грузию толкнут.

– Кто это будет делать?

– Не знаю, – мрачно усмехнулся Шорох. – И тебе знать не советую. Меньше знаешь – дольше живешь. Запомни это раз и навсегда, пацан!

Они отогнали машину к Щучьему озеру, оставили в укромном месте. Шорох сказал, что за ней скоро придут нужные люди и заберут. Дальнейшая судьба «семерки» его не интересовала.

Зато ему очень хотелось знать, куда подевался Хлопчик. Он должен был подъехать к озеру, чтобы забрать их.

– Он что, слинял? – спросил Серега.

– Да нет. Просто я слишком быстро для него езжу, – высокомерно усмехнулся Шорох. – Хреновый, скажу тебе, из него водила. И руки у него из одного места растут. Так пацан он ничего, но ему только на стреме стоять. А лайбы смывать – это дело не для него... Ты-то хоть понял, как я тачку вскрыл?

– Понял, – уверенно кивнул Серега.

– Повторить сможешь?

– Смогу... – Уверенности как не бывало.

Была только смелость. Он мог взяться за дело хоть сейчас. Главное – ввязаться, а там будет видно, как оно пойдет.

– Завтра повторишь... Ты тоже едешь неважно. Но в тебе жилка есть. Скорости не боишься, машину чувствуешь. Будет из тебя толк. Если, конечно, заднюю скорость не включишь. Или включишь? – испытующе посмотрел на него Шорох.

– Не дождешься, – жестко усмехнулся Серега.

Ответ Шороху понравился. Он удовлетворенно кивнул:

– Значит, ты с нами.

– Само собой.

– Правильно, пацан. Так держать... Тем более что обратного хода у тебя уже нет. В нашем деле задняя скорость не работает. «Калину красную» смотрел?

– Смотрел, – кивнул Серега.

Он хорошо помнил, кто и за что убил вора-отступника. Через душу ледящей змейкой проползла могильная жуть.

– Так вот, у нас такая же калина. То бишь малина... Да ты не дрейфь, фраер. Будешь правильным пацаном – жалеть не будешь...

Подъехал Хлопчик. Он молча передал руль Шороху и сел рядом с ним. Он по-прежнему выказывал свое превосходство над Серегой. И за всю дорогу не сказал ему ни слова.

Два дня Сергей гонял балду. А на третий появился Шорох. Посадил его в свою родную «семерку» и протянул ему две пятидесятирублевые бумажки.

– Это тебе, – через зевоту пояснил он.

– За что?

– За работу, за что ж еще.

– Так я ж только смотрел.

– Тогда считай, что это ученические, – криво усмехнулся Шорох. – Забирай!

Серега пожал плечами и сгреб ассигнации пятерней, сунул их в карман.

– Дальше что? – недовольно покачал головой Шорох.

– Как что? – не понял Серега.

– Ты, я вижу, так и не понял, что ты уже не сам по себе. Ты в нашем братстве состоишь. Понял ты это или не понял, а?

– Понял.

– А я тебе про «общак» на зоне рассказывал, нет?

– Рассказывал.

– Так вот, братан, «общак», он и на воле есть. И если ты с нами, то... В общем, сам должен понимать.

Серега все понял. И без всякого сожаления вернул Шороху одну купюру в качестве «членского взноса».

– Правильно, братуха, бабки в «общак» жить не надо, – одобрительно сказал Шорох. – «Общак» братву на зонах греет. Тебе пока этого не понять. А на кичу попадешь, сразу все поймешь...

На Серегу смотрели холодные, бесчувственные глаза. Шорох не угрожал и не успокаивал. Он просто констатировал факт. Рано или поздно Серега попадет в тюрьму, и к этому нужно

готовиться загодя. А попадет он туда как преступник. Потому как он уже двумя ногами стоит на преступном пути. Вместе с Шорохом он угнал машину. По всем раскладам получается, что он соучастник преступления. И даже если он раскается, это уже не вернет его к прежней жизни. Он может снять грех со своей души, но перед законом ему не очиститься. Прознай менты про его подвиги, они живо устроят ему небо в клеточку.

Что-то Сереге уже не очень хотелось воровской романтики. Разгульная жизнь прельщала его уже не так, как прежде. Хотелось вернуться домой, запереться в своей комнате и остаться наедине со своими мыслями.

Но Шорох уже тянул его в кабак.

– В «Евразию» поедем, – решил он. – Там посердитей будет...

Это был самый крутой в городе кабак. Не какая-то забегаловка, вроде «Юбилейного». Там и обстановка другая, и сервис не в пример лучше. И цены, разумеется, зубастые. Все это он знал с чужих слов. Потому как сам в «Евразии» ни разу не был. Раньше не был, теперь будет. У него в кармане пятьдесят рублей, а рядом друг и напарник. Вместе они не пропадут.

В кабаке Сереге понравилось. Большой полутемный зал, вдоль стен через перегородки столики с мягкими креслами. Халдеи сбиваются с ног – обносят клиентов, лабухи терзают клавиши фоно и струны на гитарах – они развлекают публику. Все к услугам посетителей. И чем больший вес в обществе ты имеешь, тем ярче тебе улыбается метрдотель, тем быстрее шевелятся официанты.

Кабак – это зеркало общества. Но зеркало не простое, а кривое. Здесь котируются не только важные шишки из райкомов, не только директора заводов и магазинов. Здесь еще больше ценят тихих, но куда более денежных «цеховиков» – королей теневой экономики. А крутых криминальных авторитетов просто боготворят.

Шорох не уставал рассказывать о прелестях подлунного мира. Учил разбираться, кто есть кто. Вот сидит мужик с замашками важного начальника. Этот может быть директором какого-нибудь завода. Неважно, есть у него левый доход или нет. У него достаточно высокая зарплата. Он может запросто сорить деньгами без опасения навлечь на себя подозрения со стороны ОБХСС. Он ничего не боится и ведет себя соответствующе. Но халдеи перед ним особо не лебезят.

За соседним столиком скромно клюет свой салат невзрачный мужчинка. Его можно принять за командированного, если не видеть, как относятся к нему халдеи. Они заискивают перед ним. Значит, этот клиент у них не первый раз и наверняка платит щедрые чаевые.

– Это «цеховик», – объяснял Шорох. – Или валютчик. Или еще какой «карась». Бабок у него немерено, но это левый навар. Поэтому он и не светится... Ты, Серега, только представь себе, у этого куркуля где-нибудь в подвале чемодан с бабками лежит, мы с тобой берем да наезжаем на него, да. Ты себе представь только, «лимон» бабок на карман сделать можем. Стоит овчинка выделки или нет?

– Может, и стоит, – пожал плечами Серега. – Только опасно ведь.

Он не ощутил в себе воровского азарта. Не было у него никакого желания ворваться в дом тайного нувориша и распотрошить его сундук. Не было, и все.

– В том-то и дело, что опасно, – кивнул Шорох. – Только не ментов здесь нужно бояться. В ментовку этот жук точно не побежит... Он к Зеленому побежит или к Дорику...

Серега знал, кто такие Зеленый и Дорик. Это воры в законе, элита криминального мира. Шорох называл их имена с внутренним трепетом.

– Я не знаю точно, кто из них кроет этого «карася». Но то, что снимают долю в «общак», это стопудово. Сунешься к такому – сразу сливай воду. Крысой объявят и башку на хрен снесут... Так что у нас, браток, ничего без спросу не делается. У каждого вора, у каждой «бригады» своя маза. Хапнешь не свое – влет по рукам получишь...

Шорох рисовал свой мир и черными, и радужными красками. Разъяснял, что можно делать, а о чем даже думать нельзя. Объяснял, к чему должен стремиться каждый уважающий себя правильный пацан. Разложил по лесенке всю воровскую иерархию от низшей ступеньки до самой верхней. Выходило, что Серега должен спать и видеть себя под короной законного вора.

И надо сказать, Серега жадно впитывал эти слова. Шумная атмосфера ресторана и следа не оставила от его недавней хмари. Он снова воспринимал мир в светлых тонах. Брызги шампанского, музыка, девки в облегченных платьях – это его жизнь. Но чтобы жить богато и раздольно, нужны деньги и уважение. Пока что он видел только один способ, как добыть и то и другое.

Там, за стенами ресторана, в унылых квартирах жили обыватели. Это жизнь от зарплаты до зарплаты в серости и забвении. Так жили его родители. Серега так жить не хотел. Его прельщал мир, в который он попал по милости Шороха. У него все еще впереди. Рано или поздно он станет авторитетным вором. У него будет много денег, но в карманах при этом будет гулять ветер. И все потому, что бабки он будет спускать на веселую жизнь. Кабаки, водка, телки... Настоящий вор должен жить сегодняшним днем и не думать, что с ним будет завтра. Серега двумя руками за такую жизнь...

3

Новенькая «Волга» белого цвета манила взор и пьянила воображение. Но Сергей оставался трезвым и не поддавался соблазну внагльк подойти к машине. Нужно выждать, когда народу на улице будет по минимуму. Такой момент может и вовсе не представиться. Хозяин машины выйдет сейчас из дому, заведет свою красавицу – и адью. Жди тогда нового случая.

Но лучше ждть случая, чем приговора суда. Поэтому Серега не торопился. Сегодня он работает один, без Шороха. У маэстро проблемы. Менты зацепили его по одному эпизоду трехлетней давности. Шорох чудом ушел от них и сейчас в бегах. Отсиживается где-то за городом, ждет, когда уляжется шухер.

«Волга» двадцать четвертой модели да еще недавно с конвейера – вариант достаточно сложный и для Шороха. Для Сереги это настоящее испытание. На его счету несколько удачных угонов, но все это мелочь по сравнению с нынешним делом. Облажаться никак нельзя. Цена ошибки – собственная свобода...

Серега отказался от линейки с петелькой. Действовать нужно наверняка и быстро. Поэтому на вооружении у него стальная твердосплавная болванка в форме ключа. Запас прочности у этой отмычки отменный. Только вот хватит ли у него силы, чтобы провернуть его в скважине. Хотелось надеяться, что хватит...

Толпа на улице рассосалась. Одинокие прохожие снуют туда-сюда, но от них никуда не деться. Надо действовать, пока не нахлынул очередной вал пешеходов.

Серега натянул на лоб кепочку, ссутулился и скорой, но неторопливой с виду походкой направился к машине. Суетиться нельзя. Люди должны думать, что к машине подходит ее владелец. Вот он вставляет ключ в дверцу, без видимого усилия проворачивает его в замке. Знали бы прохожие, сколько силы понадобилось ему, чтобы сломать секрет. Ничего, главное, что мощи хватило и отмычка не сломалась.

Он уже в машине. Легонько тронул руль. Не похоже, что заперто. Какая удача. Осталось только вырвать замок и замкнуть клеммы. Это не займет много времени... А это что за беда?

Прямо перед «Волгой» остановилась гаишная машина. У Сереги внутри все оборвалось. Вот и все, пронеслось в голове. Сейчас менты возьмут его тепленького с поличным, на запястьях рук защелкнутся стальные браслеты, и прощай, свобода.

А ведь он собирался стать фартовым вором. Он уже кое-чего добился. Четыре угона как по маслу. Хлопчик уже не задирает перед ним нос. Братва оценила его заслуги. Серега уже

лично знает нескольких человек из своего клана. Не так давно гулял с ними в кабаке. Таких телок, помнится, сняли! Вот-вот его должны были представить самому Никсу, под которым ходила их «бригада». Серега уже был своим среди своих и даже всерьез рассчитывал когда-нибудь занять место «бригадира». Он чувствовал в себе для этого силы.

Он еще молод, и у него все впереди. Он станет авторитетным вором. Только уважение братвы он будет завоевывать уже не на свободе, а в тюрьме. Сейчас менты закоцают его в наручники, запрессуют в кутузку. Тюрьма – дом для вора. Но что-то неохота Сереге жить в собачьих условиях. Ему на свободе лучше... Но мент уже выходит из машины. Черная куртка, перчатки и португеза из белого кожзаменителя, кобура с пистолетом. Только что-то не особо торопится мент. И на «Волгу» даже не глядит. Все внимание на дорогу. В руке вместо пистолета «хрен от зебры», в зубах свисток. Вот он уже машет своей палочкой перед какой-то машиной. На Серегу ноль внимания.

Не так, оказывается, все страшно. У гаишника своя охота, у него своя. Главное, чтобы их пути не пересеклись.

Серега унял нервную дрожь. Стараясь не делать резких движений, стянул с себя босяцкую кепку. Высоко вскинул голову, расправил плечи, придал взгляду начальственную важность. Он без суеты вырвал замок, замкнул клеммы. Машина завелась, можно ехать.

Он не строил из себя важного шишкаря. Не хватало годков для полной убедительности. Но ведь по возрасту он вполне подходит для водителя какой-нибудь высокопоставленной особы. И ему удалось создать такой типаж. Ни дать ни взять личный шофер какого-нибудь министра. Если бы в их городе было хоть одно министерство, мент бы так и подумал. И возможно, отдал бы ему честь. А так он всего лишь проводил его уважительным взглядом. И невдомек барану, что из-под его носа угнали тачку. Хорошо, если бы все менты были такими тупоголовыми...

Серега отогнал машину на условленное место, дождался напарника.

– Кирсан, ну ты гигант! – Хлопчик не скрывал своего восторга. – Блин, я как мусорка увидел, так чуть на жопу не сел. Ну все, думаю, заметут пацана, ан нет, пронесло. Это ништяк, что ты кипиш не поднял. Уважаю... Это, давай в кабак продернем. Пруху твою обмыть надо, да. А то ведь не будет больше прухи...

– Сплюнь.

Серега очень боялся, что фортуна отвернется от него. В его профессии без фарта никак нельзя. В его профессии... Да, воровство стало его профессией. И никуда от этого не денешься. Уйти в завязку ему не дадут. Да он и не особо-то хочет. Перед глазами плыл сиреневый туман, в клубах которого пыльным цветом цвела воровская романтика. Ему не нужна другая жизнь. Как говорил Шорох, не надо ждать милости от государства, надо брать все своими руками.

Вчера ему повезло – сегодня есть бабки на кармане. И сегодня ему тоже улыбнулась удача. Значит, и завтра в карман капнет денежка, да нехилая... Он фартовый вор, и всегда будет при деньгах, и всегда будет купаться в шампанском. Разве ж это плохо?..

В кабак он заходил преисполненным чувства собственного достоинства. В «Евразию» они с Хлопчиком не пошли. Для престижного ресторана Серега еще не созрел. А в «Ленинграде» он уже котировался. Может, и не так высоко, как некоторые. Но во всяком случае халдей уже со всех ног несется к нему, губы растянуты в угодливой улыбке. Правда, в глазах пустота. Но ведь Серега не заставляет любить себя искренне. Официант – не девочка, и с него достаточно показного уважения. А вот девочки...

Девочки в его жизни были. Люська, Тонька... Вчера он спал с красоткой Зинкой. Девки его любили. Они толком не знают, чем конкретно он занимается. Но для всех он – крутой мен при бабках. И выглядит он соответствующе. Джинсы «Монтана», теплая джинсовая куртка той же фирмы, кроссовки «Адидас», на шее золотая цепь, в кармане пачка «Мальборо». Короче, чисто конкретный прикид... Вкалывал бы сейчас Серега на заводе, разве ж он так бы жил?

Конечно, нет. Зарплата – слезы, на нее не разгуляешься. Да и уважение не то. Можно годами висеть на Доске почета, а халдей в кабаке на тебя даже не посмотрит. А тут все чики-пуки. И официант спешит угодить, и две бесхозные подружки из-за соседнего столика тебе улыбаются. И все потому, что Серега по-настоящему крут! Не жизнь у него – малина...

Серега сделал заказ, развалился на стуле. Остановился взглядом на самой симпатичной девчонке, игриво подмигнул ей. Девчонка слегка смутилась, но улыбнулась в ответ. Глазки загорелись, губки затрепетали. Сегодня эта киска будет мяукать для него.

Недолго думая, Серега подсел к девчонкам. Краем глаза он заметил, как облизнулся Хлопчик. Сам он по бабской части большой тормоз. И с тачками тормозит. Его дело — быть на подхвате и довольствоваться объедками с барского стола. Что ж, Серега сегодня добрый. Сегодня он подогреет его бабой. Не самой лучшей, конечно. Потому что все лучшее достается лучшим.

Для порядка девчонки стыдливо потупили глазки. Ну, конечно, они не такие, как все, и не водятся с незнакомыми парнями. Ха, так Серега им и поверил. Да, они не такие, как все. Нормальные девчонки дома сидят, и если ходят в кабак, то с кавалерами. А эти – чисто хвостопадки. Не путаны, в смысле, что за бабки они, может, и не трахаются. Но шлюхи. Потому как трахаются за бокал шампанского и «киевскую» котлету. Кто этих баб ужинает, тот их и танцует. Сегодня их гуляет Серега.

Есть такие кобылы, которых ты ужинаешь, но не танцуешь. Кушают, пьют за твоим столом, улыбаются. А потом, типа, в сортир им надо сходить. Уходят – и с концами. Но с Серегой этот номер не пройдет. Он по этой части третий калач.

– Привет, девчата! – весело, но с выражением превосходства во взгляде поздоровался он. – Скучаем?

Стандартный вопрос. Стандартный кивок в ответ. Конечно же, девчонки скучают. И хотят веселья. Не зря же глазки горят.

– Классные вы девчонки, с огоньком. И уже не одни, а с охраной... Знаете, чем отличаются женщины с огоньком от такси? – с наглой ухмылкой спросил Серега. – Женщины с огоньком никогда не бывают свободными. Так что и вы, подружки, попались. И никуда вам от нас не деться. Предлагаю перебраться к нашему шалашу...

Девчонки глупо захихикали и пересели за соседний стол. Хлопчик встретил их глуповатой улыбкой. Серега выбрал для себя стройную худощавую блондинку. И чтобы застолбить за собой, с ходу положил руку ей на талию. Для приличия она отстранилась. Сергей не сдавался. И когда она опустила руку на стул, накрыл ладонью ее коленку.

– И как зовут вас, прелестное создание?

Девчонка купилась на дешевую лесть.

– Наташа, – просияла она.

И больше уже не пыталась отстраниться от него. Ее коленка так и осталась под его дланью.

– Знаете, как надо гладить колготки? – развязно спросил Серега.

– Как? – завистливо посмотрела на подружку полноватая брюнетка.

Хлопчик ей не нравился. Но, как говорится, каждой телке свое стойло.

– От колен и выше, – похабно улыбнулся Серега.

Его рука переместилась от коленки вверх по ноге. Кто-то ж должен гладить Наташины колготки... Девка сделала вид, что ничего не замечает.

Официант подал шампанское и наполнил бокалы. Может, последнее и не входило в его обязанности – все-таки кабак не ахти какого уровня. Но Серега не лох, и ему плевать, какой здесь уровень. Он хотел, чтобы халдей раскидал шампанское по бокалам. И одного его взгляда хватило, чтобы официант уловил его желание и сделал так, как он того хочет.

Девчонки слегка захмелели.

– Может ли вегетарианец любить женщину? – продолжал симфонить Серега на волнах «армянского радио».

– Не знаю, – загадочно улыбнулась Наташа.

– Может. Если женщина – ни рыба ни мясо... Но вы не волнуйтесь, мы не вегетарианцы. Да и вы девчонки в самом соку...

– Ага, соком истекаете, – оскалился Хлопчик.

Грубая шутка, похабная. Но девчонки ее приняли. И улыбаются. Весело им. И чем меньше шампанского оставалось в бутылке, тем шире становились их улыбки. А шутки становились все острее. Но девки ни разу не оскорбились.

С одной стороны, это хорошо, а с другой... Серега вспомнил Стеллу. Вот кто не стал бы глупо улыбаться в ответ на его развязные остроты. Вот кто бы послал его сейчас подальше или даже влепил пощечину.

Серега не хотел, чтобы его послали. И оплеуху схлопотать не улыбалось. Зато ему захотелось, чтобы Стелла оказалась рядом. Это была самая стоящая девчонка из всех, которых он знал. А еще она самая красивая. И самая желанная...

Но Стеллы не было. Только Наташа. Его рука уже забралась под ее юбку. Но что-то уже не хочется подниматься выше. Не волнует его Наташа. Да и похабщину нести неохота. И вообще, пора завязывать с этой дурью. Пошлость не красит человека. Во всяком случае, так считает Стелла. И ему сейчас тоже хочется так считать...

Что ни говори, а Стелла оказала на него влияние. И он был совсем не прочь, чтобы она влияла на него и дальше. Но где она, Стелла? Ау!.. Столько лет проучились в одном классе, а он даже не знает ее домашнего адреса. Ну не баран... Ничего, если надо, он ее найдет. Если надо... А нужна ли она ему? Ведь Шорох прав, они с ней ягоды не одного поля. Она вся такая правильная, а он... Он тоже правильный, но с точки зрения криминального мира. А этот мир отпугнет Стеллу. Она не захочет связываться с ним. И бросит его при первой же возможности...

А вот Наташка его не бросит. Таким, как она, подавай крутых пацанов. Что ж, Серега подан. Сегодня она может делать с ним все, что угодно. А завтра у него будет другая. И так всегда. Ему не нужна постоянная подруга. Так что нужно выбросить Стеллу из головы...

Он взял Наташку за руку, потянул на себя. Она поняла, что ему нужно, и села к нему на колени. Он обнял ее и нагло просунул руку между ног. Она не возражала. Шлюха. Но в том сейчас и вся прелесть...

Наташка расслабленно прильнула к нему, обвила руками его шею. Сереге это понравилось. Девка созрела, и хоть сейчас можно сажать ее в машину и везти на гору Большой Трах.

Все было бы ништяк, если бы не один момент. В зал ресторана входила Стелла. Серега смотрел на нее широко распахнутыми от удивления глазами. Стелла, и в этом ресторане? Нонсенс!.. Но это была она. Ошибиться он не мог.

Стелла была с подругой. Серега узнал ее. Алка Звонарева из параллельного «А». Вся из себя, накрашена, напомажена, платье супер-пупер, походка от бедра, как у манекенщицы. Фифа расфуфыренная. Стелла ведет себя куда скромней и одета похуже. Но выглядит она при этом на миллион. Алка при всех своих прибабасах и рядом не стоит.

Серега опомнился и столкнул Наташку с колен. Но было уже поздно. Стелла увидела его. В глазах застыла смесь из удивления и растерянности. Красивые, чуть полноватые губы сжались в тонкую линию. Похоже, она злится. Да, злится. Это значит, что ревнует. Она ревнует Серегу. Получается, она к нему неравнодушна... Это ж зашибись!..

Серега уже готов был подняться со своего места и двинуться навстречу Стелле. Он отречется от Наташки, скажет, что эта дура сама вешается ему на шею. В общем, что-нибудь придумает... Но его планам помешало появление еще одной знакомой личности. Вслед за девчонками в зале появился Ростик Горшков. А этого козла сюда каким ветром занесло?

Горшок был козлом по жизни. В школе активистом был – мозги всем своим комсомолом парил. Сейчас он в Горном институте учится. И снова в своем комсомоле с головой. Мать говорит, что он уже не просто член районного комитета ВЛКСМ. Вроде бы уже в каком-то секретариате состоит. И в институте не последний человек. С самой высокой трибуны комсомольские лозунги толкает. Это еще ничего. А то, что Горшок красноповязочником заделался, это и есть его натурально козлиная сущность. Серега офонарел, когда узнал, от кого они с Шорохом убегали тогда в парке. Это Горшок с ментовским свистком за ними гнался. Знал бы это Сергей, он бы тогда остановился и настучал бы этому козлу по шарбану.

Горшок не только учился в одной с ним школе. Они жили в одном дворе. Сколько помнил себя Серега, этот жук всегда катил на него бочку. В комсомол принимать не хотел, телеги на него катал, чтобы из школы его выгнали.

То, что Серега с комсомолом пролетел, это ништяк. Красные строки биографии могут перечеркнуть воровскую карьеру в самом начале. Настоящий вор не может быть комсомольцем, это без вариантов. Так что за это Ростуку спасибо. А за все остальное Серега его еще раньше отблагодарил. Это было еще в прошлом году. Достал его тогда Горшок. Пришлось дать ему в ухо. Правда, за это Серегу по ментовкам долго таскали, чуть в колонию из-за этого уroda не загремел. С тех пор Серега больше не трогает это дерьмо. Но не забыть ему, как Горшок стоял перед ним на коленях и вымаливал у него пощады. Да и сам Горшок этого никогда не забудет... Короче, они по жизни враги. И Серега не выкурит с ним трубку мира даже в самом страшном сне...

Горшок подошел к Стелле, подставил ей руку, и она покорно взяла его под локоток. Это что еще такое?..

Серега чувствовал, как внутри его закипает злость... Ладно, без Стеллы он как-нибудь перебьется. Но знать, что с ней топчется его заклятый враг! А может, Горшок еще и топчет ее, как тот петух курицу... Эта мысль была невыносимой. От возмущения задымился шифер на голове. Душа превратилась в паровой котел, а руки стали как те паровозные поршни. Пар давил на клапан и толкал Серегу на безрассудство. Какое-то время он держался, но в конце концов давление превысило критические нормы. В любой момент он мог сорваться...

Глава третья

1

Откровенно говоря, Ростислав не понимал, что хорошего он нашел в Стелле. Девушка из проблемной семьи, классовой сознательностью не блещет, общественная активность на нуле. Учится, правда, очень хорошо. Без всякого напряжения поступила в институт на престижный архитектурный факультет.

Красивая, да, этого у нее не отнять. Но красавиц много. По крайней мере, он знал двух очень красивых девушек, которые совсем не прочь были дружить с ним. Он-то выгодная партия для любой красотки. Второй секретарь районного комитета ВЛКСМ и первый человек по комсомольской линии института. А ведь ему только-только стукнет восемнадцать лет. Далеко не каждый активист в его годы способен добиться столь завидного положения. Сейчас главное – отмазаться от армии. Тогда к двадцати годам он может стать секретарем горкома ВЛКСМ, дальше райком или даже горком КПСС. Высшая партийная школа – и вперед к светлому коммунистическому будущему.

Коммунистический рай существует. К сожалению, не для всех, а только для избранных. Ростислав попал в струю. Ему выпал шанс стать избранным. И он этот шанс обязательно использует. Рано или поздно он станет важной партийной шишкой, перед ним будут открыты все двери этой жизни. И вместе с ним в светлое, отдельно взятое будущее сможет въехать его избранница. Умные девчонки это понимают, и кое-кто уже вовсю строит ему глазки. И среди них есть по-настоящему достойные кандидатки на соискание его руки и сердца.

Только вот Стелла почему-то воротит от него нос. А он, непонятно почему, бегаёт за ней, как глупый мальчишка... Видимо, есть в ней какая-то изюминка. Есть в ней нечто, от чего начинает учащенно биться сердце. В школе этого не было. А сейчас Стелла само очарование. Ростислава тянуло к ней как магнитом. И при этом он не уставал задавать себе вопрос, почему это происходит. И продолжал сомневаться, правильно ли он делает, ухлестывая за Стеллой. Не было в нем уверенности, что эта девушка достойна его.

Стелла должна воспринимать его не иначе как подарок судьбы. Красивый, сильный и духом и телом парень, перспективный комсомольский вожак, кандидат в члены КПСС. Из приличной семьи. Отец – главный инженер металлургического завода, мать преподаёт иностранные языки в институте. Да любая была бы рада выйти за него замуж. Но ему не нужна другая. Как ни странно, ему нужна только Стелла. И что еще более удивительно – эта счастливица достаточно холодно воспринимает его ухаживания. Конечно, она понимает, что Ростислав – лучшее, что может у нее быть. Разумом она тянется к нему. Только вот сердце спит спокойным сном.

Зато дыхание учащается, когда разговор вдруг заходит о Сергее Кирсанове. Она знает, что этот парень из отбросов общества. Она понимает, что ничего хорошего с ним у нее не будет. Да она и не стремится сблизиться с этим прощелыгой. Тем не менее мыслями она с ним. А может, это ему только кажется. Стелла – сложная натура. Не так-то просто понять, чем она живет и дышит. Тут поневоле станешь мнительным...

Стелла не отвергает Ростислава. Но далеко их отношениям зайти не дает. Она очень грамотно держит его на безопасном расстоянии. Они вместе ходят в театр, в кино, пару раз были в ресторане. Каждый раз он провожает ее домой. Но самое большее, чего он от нее добился, – невинный поцелуй в щечку. А он хочет целовать ее в засос. И не только целовать... Но приходится терпеть. И втайне радоваться, что Стелла – не какая-то шлюха, чтобы отдаваться мужчине до свадьбы.

Кстати, давно пора поднять вопрос о свадьбе. С жилплощадью помогут родители. А с ребенком они справятся сами... Дети Ростиславу нужны. И чем быстрее они у него будут, тем лучше. В их институте есть военная кафедра. Через три года ему присвоят офицерское звание и отправят служить в армию. Само собой, для него это серьезный тормоз в карьере. Ему нельзя в армию. По состоянию здоровья он откосить не может – начальство не поймет. А вот если у него будут дети, тогда другое дело. Он будет рваться в армию под лозунгом «Защита отечества – гражданский долг каждого гражданина СССР». И конечно же, будет очень огорчен, когда военкомат ответит ему отказом на желание исполнить патриотический долг. Перед начальством слезу пустит, само собой. В общем, выгода налицо. Хочешь жить – умей вертеться...

Сегодня у Ростислава по плану тоже ресторан. Он нарочно взял с собой бывшую одноклассницу. Алка Звонарева очень хорошо понимает, какая жизнь у него впереди. И она совсем не прочь отбить его у Стеллы. Мало того, она открыто заигрывает с ним. Пусть Стелла воочию убедится, каким спросом у женщин пользуется Ростислав. Пусть поймет, что рискует его потерять. Может быть, тогда она возьмется за ум. Может быть, уже сегодня они отправятся к ней домой. Сегодня ее мать работает в ночную смену, так что никто не будет мешать им заняться производством детей...

Как истинный джентльмен, он помог дамам снять верхнюю одежду. Они пошли дальше, а он задержался в гардеробе. В зале он появился чуть позже, чем Стелла. И первым делом увидел перекошенное лицо Сергея Кирсанова.

Этот негодяй во все глаза смотрел на Стеллу. А сколько злости было в его взгляде, обращенном к нему самому! Будь его воля, он бы сожрал Ростислава живьем.

Кирсанов был пьян. И девки с ним. Картина неприглядная. Но Стелла как зачарованная смотрит на него. Правда, в глазах у нее обида и ревность. Но нет неприязни. А ведь этот подонок должен вызывать по меньшей мере омерзение.

Кирсанов с юных лет водился с уличной шпаной. Летом этого года Ростислав увидел его в компании с явно уголовной личностью. И сейчас он гуляет в ресторане с типом такой же отвратной внешности. И эти девки. Шалавы подзаборные, по-другому их и не назовешь.

Нет никаких сомнений, что Кирсанов связался с уголовниками. Ростислав был почему-то уверен, что и сам он стал вором и грабителем. Иначе откуда ж у него деньги на ресторан? И одет он прилично. А ведь этот тип нигде не учится, нигде не работает, родители его живут бедно. Так что деньги может добывать только преступным путем.

– Что будем заказывать? – глядя куда-то в сторону, спросил официант.

Он только что отошел от столика, за которым сидел Кирсанов. Там он был сама угодливость. А тут сама надменность. Видно, Ростислав не много стоит в его глазах.

Что ж, этому есть объяснение. Ресторан – это своеобразный переходный мост между светским и криминальным миром. И если простые обыватели не разбираются в хитросплетениях темного подлунного мира, то здесь знают, кто есть кто. И как это ни прискорбно, воров и бандитов здесь уважают больше, чем законопослушных граждан. Может, потому, что боятся.

А Кирсанова стоит бояться. За последнее время он не то чтобы возмужал, но заматерел, это точно. Стал жестче, грубей, взгляд тяжелый, злой. Волчий, одним словом. Ростислав явственно ощущал исходящую от него угрозу. Аж мурашки по спине поползли.

– Знаете, мы не станем ничего заказывать, – презрением на пренебрежение ответил он. – Не нравится нам здесь... Девушки, я предлагаю отправиться в «Евразию».

«Евразия» отнюдь не дешевое удовольствие. На пятьдесят рублей там не погуляешь. Придется выкидывать столик, единственный и последний на этот месяц. Но уж лучше дополнительные траты, чем присутствие мерзкого Кирсанова.

Грешным делом Ростислав решил, что Кирсанов не даст им уйти. Но он даже задницу от стула не оторвал, когда они уходили.

На улице было холодно. Ноябрь как-никак. Ростислав и Алла были одеты тепло, а вот Стелла мерзла в своем драповом пальто на рыбьем меху. А до троллейбусной остановки идти и идти.

– Может, на такси поедем? – жалобно спросила Алла.

До «Евразии» не так уж далеко. Во всяком случае, больше пятерки таксист не возьмет. И все же Ростислав отрицательно покачал головой. Денег стало жалко... А может, и не нужен им никакой ресторан? Может, лучше в кино сходить? Или просто на дискотеку? Так дешевле будет.

– Я заплачу, – пообещала Алла.

Это в корне меняло дело... Но в ресторан все равно не хотелось ехать.

Ростислав вышел на дорогу, поднял руку. Но «Волга» с шашечками пронеслась мимо. В принципе, можно и частного поймать. Правда, он обойдется дороже. Но ведь Алла платит.

Он снова поднял руку. На этот раз ему повезло. Метрах в пяти от него остановилась синяя «шестерка» с затемненными окнами.

Ростислав открыл заднюю дверцу. Передний ряд был занят – сам водитель и пассажир.

– Командир, до «Металлурга» подбросишь? – спросил он.

Водитель молча кивнул. Даже цену не назвал. Да какая разница, сколько отдавать. У Аллы родители не бедствуют. И не разорятся, если оплатят транспортный каприз своей взбалмошной дочурки.

Как истинный джентльмен, Ростислав пропустил дам вперед. Сначала в машину села Алла, за ней Стелла. Это просто замечательно, что переднее пассажирское место занято. Теперь у Ростислава есть законная возможность сидеть рядом со Стеллой и прижиматься к ней. Как говорится, лучше что-то, чем ничего...

Машина резко сорвалась с места в тот самый момент, когда Ростислав заносил ногу через порожек.

Он успел отдернуть ногу – его не ударило. Но все же он не смог удержать равновесие и растянулся на мостовой. При этом он умудрился бросить взгляд на номера стремительно удаляющейся машины. Только вот цифровые обозначения он разглядеть не смог. Номера были заляпаны грязью.

Ростислав заметался, как подраненный зверь. На его глазах два преступника похитили его девушку. Он должен был догнать машину, но у него не было такой возможности.

Можно было остановить такси. Но подсознание отвергло этот вариант. У него было всего сто рублей в одной купюре. Вдруг таксист решит, что сдачу отдавать не надо... Да и захочет ли таксист преследовать похитителей? Эта мысль пришла чуть позже. И вслед за ней вспыхнул другой вопрос. А не опасно ли ему самому бросаться в погоню за преступниками? У него первый разряд по боксу, но этого мало, если бандиты вооружены. У них могут быть ножи или даже пистолеты. А потом, их двое...

Есть еще один вариант. Можно обратиться в милицию. Но в отделении ему не поверят. Да еще поднимут на смех. Ведь, как сознательный строитель коммунизма, он должен знать, что Советский Союз находится в стадии совершенствования развитого социализма. А это значит, что в стране в принципе невозможно такое негативное явление, как похищение людей. Организованная преступность в Советском Союзе вырублена на корню. Сам-то он знает, что это не совсем так. Но милиция быстро вправит ему мозги да еще начальству звякнет, что некто Горшков не доверяет органам правопорядка и ставит под сомнение существование советского строя. Выводы могут последовать такие, что мало не покажется...

Но ведь Стеллу похитили. Он видел, как преступники увозили их в ночь. Преступники... И тут Ростислава осенило. Он вернулся в ресторан. Как он и ожидал, Сергея Кирсанова и его спутника не было на месте. За их столом он обнаружил только двух девиц легкого поведения. С кислым видом они курили сигареты и о чем-то тихо переговаривались.

– А где Сергей? – осторожно спросил Ростислав.

– Сергей?! – смерила его оценивающим взглядом блондинка. – Я сама бы хотела знать, где этот чертов Сергей?..

– Они сказали, что скоро будут, – усмехнулась ее подружка. – А мы-то знаем, что они на машине уехали... Хорошо, что за стол заплатили.

– Извините, а на какой машине они уехали?

– А тебе не все равно? Ты вообще кто такой? – окрысилась блондинка.

– Я... Я член народной дружины...

Ростислав думал, что его признание произведет на девчонок впечатление. Но вышло все с точностью до наоборот.

– Слышь, член, а не пошел бы ты отсюда на хрен? – с презрительной усмешкой на губах вопросительно посмотрела на него брюнетка.

– Что ты сказала? – возмутился Ростислав.

– Что слышал! – отрезала блондинка. И ярко улыбнулась во весь рот.

Только улыбка предназначалась не ему. В ресторан входили рослые, угрожающей внешности парни. Это их приветствовала девка. На Ростислава они не обращали никакого внимания. Но если он отсюда сейчас не уберется, ему точно намнут бока. Об этом всем своим видом говорила брюнетка.

Ростислав не стал пытаться судьбу и поспешно ретировался. В конце концов он узнал все, что должен был узнать. Кирсанова в ресторане нет. И, судя по всему, сейчас он едет в машине, а в салоне у него находится Стелла.

В милицию заявлять о пропаже бессмысленно. Стелла равнодушна к Кирсанову и вряд ли станет обличать его. Вот если он ее изнасилует...

От злости Ростислав скрежетал зубами. Хотелось топтать ногами. И не просто топтать, а растоптать в лепешку подлеца Кирсанова. Он бы не сильно огорчился, если бы этот подонок в самом деле изнасилвал Стеллу. Тогда бы этого скота посадили в тюрьму на долгие годы. А Стелла... Нет, Стеллу он не бросит. Эта девушка слишком дорога ему. Сейчас Ростислав явственно осознавал, насколько сильно он увлечен ею. И это даже не увлечение. Это что-то большее... Ведь Кирсанова он хочет посадить в тюрьму не только из мести. Он хочет избавиться от соперника. Он знал, он очень хорошо знал, что Стелла должна принадлежать только ему...

2

Ростислав насмеялся над самим собой, над своими подозрениями. Ну не может Стелла любить мерзкого Кирсанова. Он просто недостойн ее внимания. Скорее всего вчера этот скот домогался ее. Наверняка у него ничего не получилось. И сейчас Стелла ненавидит эту бандитскую сволочь...

Дверь отворила ему Светлана Сергеевна, мать Стеллы. Это была стройная для своих лет женщина с остатками былой красоты. Время не пощадило ее. Она выглядела старше своих сорока лет. Но все же она далеко не старуха. И голос у нее молодой, звонкий.

– Ростислав! Как хорошо, что ты пришел, – обрадовалась она. – Проходи!

Для Светланы Сергеевны он дорогой гость. Соображает женщина, знает, где искать счастья для своей дочери.

Квартирка у Стеллы не очень. Старые, темные от времени обои, стертая краска на деревянном полу, под потолком в коридоре тускло горит лампочка без абажура.

У Стеллы своя комната. И там убогость. Древний стол, книжный шкаф с перекошенными полками, продавленная кушетка. На стенах ни одного модного плаката. Про портреты Ленина или нового генерального секретаря Горбачева и говорить нечего – ими здесь и не пахло.

Стелла стояла за кульманом и что-то увлеченно чертила. Могла бы и оторваться на минутку.

Каждый раз, встречаясь с ней, он испытывал легкую робость. Сегодня же его одолевал страх, аж под коленками подрагивало.

– Как дела? – смачивая слюной пересохшее горло, спросил он.

– Ничего, – не отрываясь от своего занятия, кивнула она.

– Тебе нечего мне сказать?

– А что ты хочешь от меня услышать?

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу от тебя услышать, – начал раздражаться Ростислав. –

Где ты вчера была?

– Каталась на машине.

– Так просто – каталась на машине? А меня, между прочим, эта машина чуть не задавила.

– Но я же не виновата, что Сергей не захотел брать тебя с собой.

– Сергей?! Кирсанов?! Все-таки это был он... Что он с тобой сделал?

– Ничего, – краешком губ улыбнулась Стелла. – Как видишь, я жива и здорова. И дома была ровно в одиннадцать часов...

– Утра? – съязвил он.

– Ты хочешь меня обидеть? – холодно взглянула на него Стелла.

Она не просто красивая. Она красивая до изнеможения. Подумать только, еще каких-то полгода назад Ростислав и за человека ее не держал. Но это раньше она была серой мышкой. А сейчас эта девчонка влюбляет в себя намертво. И, увы, Ростислав не единственная ее жертва. Есть еще Кирсанов, будь он проклят. И похоже, он счастливый соперник...

– Ты говорил, что Сергей очень нехороший человек, – напомнила Стелла.

– И сейчас это говорю.

– Мне кажется, ты ошибаешься. На самом деле Сергей вовсе не такой, как ты о нем думаешь...

– А ты что о нем думаешь?

– Тебе дать полную характеристику? Или охарактеризовать его в двух словах?

– Как хочешь.

– Тогда в двух словах. Сергей – настоящий мужчина. И...

– Что «и»? Чего ты замолчала?

– И он мне очень нравится...

Ростик подошел к Стелле, набрал в легкие воздуха и подул на нее.

– Что ты делаешь? – возмутилась она.

– Туман с твоих глаз сдуваю.

– Какой туман?

– Сиреневый... Тебе сиреневый туман глаза застилает. А иначе ты не можешь видеть Кирсанова в радужном свете. Он же преступник. Ты понимаешь, преступник!

– С чего ты взял, что он преступник? Мне так не кажется...

Ее голос звучал неуверенно. Ростислав вмиг зацепился за это.

– Да нет, Стелла, нет. Знаешь ты, что водятся за Кирсановым кое-какие грешки...

– Знаю, – кивнула она. – Например, он дружит с хулиганами. Да и сам он не ангел... Но он обещал мне исправиться.

– Чего? Он?! Тебе?! Обещал?! Он что, обещал тебе больше не хулиганить? Какая же ты наивная... Твой Сергей – вор и грабитель. Ты думаешь, откуда у него деньги на ресторан? А машина откуда?

– Это не его машина. Это его друга машина.

– А ты друга его видела? Что-то не заметил я на его руках трудовых мозолей. А машина у него есть. Как это объяснить, может, подскажешь?

– Не знаю. Я ничего не знаю, – разволновалась Стелла. – Я не исключаю, что Сергей связался с плохой компанией. Но я обязательно во всем разберусь. Я постараюсь вытянуть его из этого болота...

– И ты думаешь, это у тебя получится? – зло усмехнулся Ростислав.

– Не знаю, – потупила она взгляд. – Но я буду стараться... Мне кажется, он должен послушаться меня...

– И почему тебе так кажется, если не секрет?

– А если секрет?

– Ты вчера была с ним одна?

– Да. Мы отвезли Аллу домой. Потом поехали к нам во двор. Мы с Сергеем остались в машине, а его друг все это время был на улице.

– И о чем вы говорили? – содрогаясь от ревности, спросил Ростислав.

– О любви говорили... – Голос ее звучал все тише и тише. В глазах горел счастливый огонек. – Знаешь, Сергей признался мне в любви. Сказал, что давно меня любит.

– А ты? Что ответила ему ты?

– Ты как следователь на допросе, – усмехнулась Стелла.

– Будет тебе следователь. И допрос будет. Вляпаешься вместе со своим Сергеем в какую-нибудь историю, обещаю тебе, сразу вспомнишь этот разговор...

– Ростик, тебе не кажется, что ты все преувеличиваешь? Ты говоришь о Сергее, как будто он на самом деле преступник. У тебя что, есть доказательства его вины?

– А я что, по-твоему, за ним следил? Мне достаточно того, что я видел вчера. Да и ты все видела. И все понимаешь... Ты где его вчера увидела? В ресторане! С кем? С какими-то девками. А сам он из себя что представлял... Да у него на лбу выжжено – «вор»...

– Я в это не верю, – покачала головой Стелла. – А ресторан, девки – все это показное...

К тому же Сергей собирается устроиться на завод...

– Кем?

– Пока чернорабочим. А потом профессию получит. Может, в техникум поступит...

– Тебе вилку дать?

– Зачем?

– А чтобы лапшу с ушей снимать... Стелла, опомнись! Ты должна понять, что ничего хорошего тебя с этим Кирсановым не ждет. Пойми, он нехороший человек. А ты ему нужна знаешь для чего... Помнишь, фильм про Жеглова был, помнишь Маньку Облигацию? Вот ты и будешь для него такой же Манькой. И не известно еще, какой Манькой по счету будешь...

Стелла смотрела на него широко раскрытыми глазами. Щеки красные, губы плотно сжаты, подбородок мелко дрожит.

– Ну что ты на меня так смотришь? Я тебе правду говорю. Правду!

Разговор шел на повышенных тонах.

– А если не нужна мне твоя правда?

Стелла очень волновалась, глаза горят, как у безумной. А она и есть безумная.

– Значит, ты сумасшедшая... А ты ведь в самом деле сумасшедшая!

– Сумасшедшая, – неожиданно согласилась Стелла. – Любовь у меня такая сумасшедшая...

– Любовь?!

– Да... Может быть, я люблю Сергея!

– Может быть или любишь? – зло спросил Ростислав.

– Люблю!

Напрасно он пытался уловить фальшь в ее признании. Скорее всего она в самом деле влюбилась в дьявола. Чокнутая...

– Ну и люби себе на здоровье! – взорвался он. – А обо мне забудь!

– Как скажешь, – не очень-то расстроилась она.

Это был тяжелый удар по самолюбию. Впервые Ростислав был близок к тому, чтобы ударить Стеллу. Он ненавидел ее так же сильно, как и любил.

– Живи как знаешь!

С этими словами он вышел из комнаты и хлопнул дверью. Больше он в этот дом ни ногой!..

3

Ростислав возвращался домой. А навстречу ему неслась Оксанка Каплунова. Невидящий взгляд, бледные щеки, губы плотно стиснуты. Его она не заметила и прошла бы мимо, если бы он ее не остановил.

– Оксанка! Ты что, со мной уже не здороваешься?

Она остановилась, медленно повернулась к нему. Лицо разгладилось, взгляд ожил.

– Ростик... – протянула она.

– Ну, Ростик, а дальше что?.. Лица на тебе нет. Что-то случилось?

– Да все мировая революция никак не свершится, – усмехнулась Оксанка.

– При чем здесь революция? – недовольно поморщился он.

– Да при том... Слушай, а ведь ты же за Стелкой ухлестывал. Ну да, я вас вместе видела...

– Ну и что?

– А ничего... Ничего у тебя со Стелкой не выйдет. А у меня с Серегой Кирсановым облом...

– Так ты что, у него была?

– Да, была. Он... Он сказал, что я его не волную... Он теперь со Стелкой... Слушай, а давай куда-нибудь сходим!

– Куда?

– Да куда-нибудь. Хочешь, на дискотеку в «Металлург»? Посидим, поговорим. Потанцевать можно...

– Давай сходим, – согласился Ростислав.

Оксанка была очень симпатичной девчонкой. К тому же она, выходит, его товарищ по несчастью. Его отшила Стелла, а ей Кирсанов дал от ворот поворот. Словом, проблема у них общая. И решать ее они должны вместе.

Дискотека в «Металлурге» пользовалась популярностью, хотя доступ туда имел далеко не каждый. Во-первых, цена за вход кусалась, а во-вторых, нужно было оплачивать услуги бара. Зато здесь было не так много народу, можно было посидеть за столиком.

Ростислав и Оксанка нашли себе столик подальше от гроыхающих колонок. Он заказал кофе, пирожные. Можно было бы и покрепче чего-нибудь взять. Но у него возраст не тот. А перечить закону не хотелось – все-таки он ответственный комсомольский работник.

Оксанку явно не устраивали «комсомольские» вечера. Она достала из сумочки двухсотграммовую плоскую бутылку армянского коньяка, разбавила им кофе.

– Так-то лучше, – пряча бутылку, усмехнулась она. – Кстати, если будет мало, можно ко мне пойти. У меня предки на курорт умотали. Я сейчас одна...

– И ты вот так просто меня приглашаешь к себе? – удивился он.

– Тю, а что тут такого? Кого хочу, того и приглашаю... Я, кстати, Серегу к себе сегодня пригласила. А он ни в какую... Пусть его теперь Стелка к себе приглашает.

– Давай не будем о них, – предложил он.

– Давай, – пожала плечами она.

Они пили кофе с коньяком, болтали о разных разностях. А потом появился Сергей Кирсанов. Под руку с ним шла Стелла. Как ни обидно было признать, а смотрелись они вместе здорово.

– Гусыня недобитая, – зло прошипела Оксанка.

– Индюк недорезанный, – в тон ей оскорбил он Сергея.

Но Кирсанов и Стелла их не слышали. И не видели. Они сели за столик в другом конце зала. Можно было видеть только их спины. И злословить сколько угодно...

– Клево Серега прикинут, – сказала Оксанка.

– Не понял.

– Ну, одет Серега неплохо. Круто, я бы сказала...

– Интересно, откуда у него деньги?

– Места надо знать.

– А если серьезно?

– Не, ну ты меня, Ростик, прикалываешь. Живешь с ним в одном доме, а у меня спрашиваешь...

– Видишь ли, я им не интересуюсь.

– Ха! Теперь будешь интересоваться... Не, ты посмотри на эту курву. В школе такой нюхой была, а тут на тебе, расцвела, как цветок на болоте. Серега на нее запал, ты вот сопли пускаешь... Ничего. Долго они вместе не протянут. Бросит ее Серега...

– Ты думаешь?

– Да не думаю, а знаю... Серега с бабами долго не гуляет. Поматросит и бросит. Как бы твоя Стелка матросика в подоле не принесла... Если тебе принесет, женишься на ней?

– Тебе-то какое дело?

– До этой сучки никакого дела. А Серегу я не прощу... Нашел на кого меня променять. Ненавижу!

Оксанка злобно кривила губы и с ненавистью смотрела в спину Кирсанову.

– А если он ее не бросит, его менты рано или поздно повяжут, – сказала она.

– Менты?! Серега что-то натворил?

– Натворит... Слух до меня тут дошел, что машинами он занимается. Ну, в смысле, машины угоняет...

– Даже так!

– Только учти, я тебе ничего не говорила.

– А если говорила?

– Ну говорила, ну и что... Знаешь, зла у меня на этого гада не хватает. Я сейчас как та старуха Шапокляк. Что бы такого сделать плохого... Слушай, а ты сделай ему что-нибудь плохое!

– Как?

– Ну, проследи за ним. За руку его возьми... Ты же в народной дружине был...

– Я что-нибудь придумаю, – кивнул Ростислав.

– Э-э нет, не надо ничего думать, – спохватилась Оксанка. – Ты ничего не делай, понял?

– Ты чего-то боишься?

– Да нет, не боюсь. Просто...

– Вот и я просто... Не волнуйся, все будет в полном порядке.

– Знаешь, а пошли отсюда! Не могу смотреть на этих голубков... Своими бы руками их задушила...

Ростиславу также не доставляло никакого удовольствия наблюдать за счастливым соперником. И он с Оксанкой отправился к ней домой. С собой он захватил из бара пол-литровую бутылку коньяка «Большой приз». А дома у Оксанки его ждал сюрприз.

Когда бутылка опустела, Оксанка нежно обняла его за шею и впиалась в него губами. Он не растерялся и крепко прижал ее к себе. Дальше все было просто. Необычайно просто. И чертовски приятно...

Ростислав стал мужчиной. Но, увы, не с той женщиной. При всех своих достоинствах, Оксанка не шла ни в какое сравнение со Стеллой. Ему она и даром не нужна. А за Стеллу он будет бороться...

Глава четвертая

1

Ночь. Холодно. Машины выстроились в ряд, такое ощущение, будто они сами жмутся друг к другу в беспомощной попытке согреться. Но тепло им будет только утром, когда до них снизойдут владельцы, когда будет заведен мотор и разогрето масло.

А вот одна машина своего хозяина не дожидется. Белой «шестерке» повезло. Этой ночью она мерзнуть не будет. Серега поможет ей согреться, даст побегать по ночным дорогам, обеспечит теплый гараж. А там уж «бригадиру» решать, готовить ее для нового хозяина или раскидать на запчасти.

Воровской азарт будоражил кровь. Только сегодня никакого восторга в душе он не поднимал. Сереге не хотелось угонять эту машину. Но и отступить он не мог. Во-первых, заказ. Во-вторых, ему нужны деньги. В-третьих, он еще раз блеснет перед братвой своим талантом «отверточника». В общем, причин, чтобы воровать, много. А сдерживающий фактор только один. Стелла. Уж она-то не одобрит его «подвиги». Может и осудить. И даже проклясть... Нет, Стелла ничего не узнает...

Серега подошел к машине уверенным шагом. Дверной замок сдался на второй секунде. Рулевая колонка сломана, замок вырван, проводки соединены. Но мотор молчит.

Главное – не волноваться. Мандраж не самый лучший помощник в воровском деле. Серега спокойно открыл капот. Так и есть, с аккумулятора снята клемма. Поставить ее на место – дело трех секунд. Зажигание включилось, стрелки приборов поползли к рабочим отметкам... Только двигатель все равно не заводится.

Серега открыл бардачок. Точно, в газету завернуты моторные свечи. Хозяин-то не дурак, знает, как предохранить машину от угона. Но эти уловки известны. У Сереги в кармане даже свечной ключ есть. Так что вперед.

Спешка хороша при ловле блох. У Сереги ситуация чуточку другая. Его самого могут поймать и прихлопнуть как блоху. Так что торопиться надо, только без лишней суеты.

Он вставил на место свечи, закрыл капот. И в это время со стороны подъезда, где жил владелец машины, послышался шум. По ступенькам с крыльца катился мужик в трусах и военном ватнике. Это Хлопчик подставил ему подножку.

Но мужик уже поднимается. Хлопчик рядом с ним. В руках у него дрын. Да только вояка не из сопливых. Бьет Хлопчика ногой в живот. И несется к Сереге.

Вот сейчас важно не теряться. Нельзя допустить ни единого лишнего движения. Счет идет на мгновения.

Серега уже в машине, руками хватается за проводки замка зажигания, локтем закрывает защелку водительской дверцы. Мужик уже ревет над ухом, пытается открыть дверцу. Не получается. Сейчас он догадается открыть незапертую пассажирскую дверцу. Точно, тянется к ней. А Серега тянется к коробке передач. Мотор уже заведен, осталось совсем немного.

Мужик открывает заднюю дверцу, но машина уже срывается с места. Вояка виснет на двери.

– Ах ты, сука, мразь! – ревет мужик.

Но Серега спокоен. Он еще ни разу не возил за собой хозяина угнанной машины. Но уже знает, как выправить ситуацию. Разгон, вираж и по тормозам – мужик кубарем катится по земле. Везет ему – за одну ночь целых два акробатических номера. Будет что вспомнить...

Серега разогнал машину. Сейчас он выскочит со двора, растворится в ночи, а там можно будет остановиться и захлопнуть раскрытую заднюю дверцу.

Но со двора он выехать не смог. Одну-единственную дорогу перегородил «уазик» с мигалками. Он появился внезапно, из-за угла. Серега ударил по тормозам, но не смог до конца остановить машину и на маленькой скорости врезался в ментовозку.

Удар был несильным. Но ошеломляющим. Врезаться в ментовскую машину, да еще на угнанной тачке... Такого даже у Шороха не было.

Серега не растерялся. Мигом выскочил из машины и, не разбирая дороги, бросился наутек.

До недавнего времени он занимался классическим боксом. Добрую половину тренировок он прогулял, много чего пропустил. Но кое-что эти занятия ему дали. Неплохое подспорье для «уличного бокса». Это, правда, сейчас не имело никакого значения. Дыхалка у него отменная, и бегал он хорошо. Вот в этом сейчас и заключалось его спасение.

Он как угорелый несся через дворы. А сзади неслось:

– Стой! Стрелять буду!

Но менты пусть его на пушку не берут. Стрелять они не будут. Жилые дома вокруг. А если и будут, пусть стреляют. Его сейчас и пуля не догонит...

Менты пытались догнать на своих двоих. Не вышло. Тогда они оседлали своего «козла». Но Серега тем временем уже перемахнул забор, за которым начиналась стройка. Это еще не спасение. Но уже реальный шанс сделать ментов.

Он бежал со всех ног, обходил препятствия. Ноги тяжелели, кровь стучала в висках, дыхание укорачивалось – кислород не успевал вентилировать легкие. А он еще при этом умудрялся думать о Хлопчике. Дело – труба, если его напарника повяжут менты. Угон машины – дело серьезное. Поэтому менты будут допрашивать его с пристрастием. Не выдержит Хлопчик, сломается – сдаст Серегу. И тогда «по пятницам пойдут свидания и слезы...».

Менты отстали. Никто за Серегой больше не гнался. Но он до самого утра скитался по темным улицам. Чуть ли не весь город от начала до конца прошел. А что дальше?

Домой идти опасно. Если Хлопчик раскололся, там Серегу будет ждать засада. К друзьям тоже соваться не стоит. Если менты возьмутся за него всерьез, они вытащат его из любой норы.

Но ведь можно отправиться к Стелле. Он уже знает, где она живет. Про нее никто не знает, никто на нее не покажет. Только вот не погонит ли она его поганой метлой? Не должна...

Стелла видела Наташку у него на коленях. А он видел возмущение в ее глазах. И ревность. Она ревновала его. Серега понимал, что это не просто так. Есть у нее чувство к нему...

Ловко они тогда с Хлопчиком опрокинули Горшка. Надо было видеть его взгляд, когда они дунули ему в лицо выхлопными газами.

Девчонки поначалу испугались. Но Серега быстро успокоил их. И Стелла знала его, и Алка Звонарева. Хлопчик утх, никаких движений с его стороны. Серега был сама вежливость. Никогда и ни с какой бабой он не был так обходителен.

Впрочем, Стелла не баба. Она девушка. Она его девушка. Он уже точно знал, что запал на нее со всеми потрохами. Было что-то в ней такое, что цепляло раз и навсегда. При всем желании Сереге не слезть с этого крючка. Да он и не хочет... Стелла. Теперь это его талисман на всю оставшуюся жизнь. И это при том, что жизнь, по сути, только начинается.

В ту ночь он мог повезти ее в кабак. Мог отправиться с ней на дискотеку в «Металлург», куда собрался ехать с ней жлоб Ростик. Серега бы не стал жалеть на нее денег. Но интуиция подсказывала, что ресторан и дискотека – это не совсем то, что нужно.

Серега выбрал самый простой и самый мягкий вариант. Они со Стеллой избавились от своих спутников и целый час сидели у нее во дворе под луной. Неважно, что в машине, а не на скамейке перед подъездом.

Про Наташку с подружкой ни слова. Чутье подсказывало Сереге, что оправдываться перед Стеллой не стоит. Да он и не оправдывался. Он был самим собой. Но продолжал оставаться вежливым и обходительным. Он хотел нравиться Стелле. И он ей нравился.

Они разговаривали о жизни, о любви. Он сам не понял, как признался ей в своих чувствах. Нет, сопли он перед ней не развешивал. Но пухлощекое чудика с крыльями амура запустил. А она поймала этого амурчика, сама призналась, что давно думает о нем. И... Короче, все у них путем. А Горшок в полете как фанера над Парижем...

Стелла догадывается, что с Серегой не все чисто. Но при этом она продолжает его любить. И дальше будет его любить, даже если он явится к ней со своей бедой. Она не из тех женщин, которые предают...

Он вышел к ее дому. Тишина и покой. Время – половина шестого утра. Еще темно. Редко в каком окне светится свет. На улице только дворник. Да еще какой-то пан спортсмен из подъезда выкатился.

Стелла жила в пятиэтажной хрущевке. Третий этаж. Выпуклый балкон, через который можно забраться прямо в ее комнату. Мимо под крышу тянется ржавая водосточная труба. Серегу осенила шальная мысль.

Толстяком его не назовешь, нет в нем лишнего жира. Но весу в нем предостаточно. Килограммов восемьдесят, как минимум. Труба старая, может и не выдержать. Но Серега все же решился.

Снова азарт будоражит кровь. Но в этот раз душу легонько щиплет радость и восторг. Потому что он не машину ворует, не отдаляется тем самым от Стеллы. Как раз наоборот, он приближается к ней... Взят первый этаж... Второй... Он цепляется руками за решетку балкона. Рывок. И вот он уже двумя ногами ощущает под собой бетонную твердь.

Открывается балконная дверь. Перед ним Стелла в домашнем халате, под которым белеет ночная рубашка. А под рубашкой... Серега поспешил отогнать от себя крамольные мысли.

– Я так и знала, что это ты, – радостно улыбнулась Стелла.

Волосы распущены, глаза горят, губы трепещут в ожидании поцелуя. Красивая и желанная. Это его девочка. Он любит ее и любим... Серега ощутил прилив нежности.

Он сделал шаг вперед. Но наткнулся на выставленную вперед руку.

– А ну, назад!

Стелла давала ему от ворот поворот.

– Я что, напрасно рисковал жизнью? – попытался отшутиться он.

– Получается, что напрасно.

– Так мне что, теперь на балконе стоять? Холодно же.

– Ничего не знаю. Как залез, так и слезай.

– Ты что, серьезно?

– А ты как думал! – Стелла улыбалась, но взгляд оставался серьезным.

Похоже, она в самом деле не шутила.

– Стелла! Я к тебе со всей душой!

– Душу оставляй, а сам уматывай... Явился, чудной! В шестом часу утра! Да еще через балкон! Ты что, спятил?

– Ага, спятил... Стелла, ты сводишь меня с ума!

– Ну да, еще стишок расскажи...

А она совсем не такая простая, как кажется на первый взгляд. С виду покладистая девочка, а словцо у нее острое. И язык подвешен.

– Какие стишки, Стелла? Ты же знаешь, как я в школе учился.

– А ты сам сочини.

– И тогда ты меня впустишь? – улыбнулся он.

Все проблемы с ментами отступили на задний план. Он уже не думал о них. Сейчас он мог думать только о Стелле. И о том, как попасть к ней в комнату. Там тепло. Но не только

от отопительной батареи. Там тепло ее тела, там ее запах. Там райский уют и умиротворение. Полцарства за то, чтобы оказаться в ее королевстве.

– А ты настырный.

– Какой есть.

– Ладно, уговорил. Только учти, дотронешься до меня, получишь по рукам...

– Получу, – кивнул он. – То есть я хотел сказать, что даже смотреть на тебя не буду.

– Смотреть можно. Но сначала стих...

– Сейчас...

Сергея напряг свою память. И это дало результат.

– Сиреневый туман над нами пролетает... Над тамбуром горит полночная звезда...

– Какой сиреневый туман? – изменилась в лице Стелла.

– Да песня есть такая.

– Не нравится мне эта песня. – Она подозрительно смотрела на него.

– Почему?

– Потому что... Ты как вообще здесь оказался?

– Как видишь, по трубе – и в дамки.

– Почему так поздно? И что за царапина на руке?... Сергей, где ты был?

В ее голосе звучала неприкрытая тревога.

– Я... Да по городу гулял...

– Ты же говорил, что тебе нужно было к тетке ехать.

– Как видишь, уже приехал...

– Что-то темнишь ты, Сережа... Проходи, поговорим.

Наконец-то она впустила его в комнату. Но домашнего тепла Сергей не ощутил. Яркий свет зажженной лампочки разогнал уют. Предстоял важный разговор, и вряд ли ему удастся его избежать. Стелла была настроена решительно.

– У тебя куртка порвана, – осматривая его с ног до головы, заметила она.

И в самом деле, из болоньевой куртки был вырван целый клочок. Хорошо, что это его рабочая куртка. Не так жалко. Вот если бы он свой джинсовый куртофан порвал...

– А, ничего страшного! – опрометчиво отмахнулся он.

– Тебе что, куртку не жаль? – удивилась Стелла.

– Ну, вообще-то жаль. Но не плакать же...

– Зачем плакать? – невесело усмехнулась она. – Радоваться надо.

– Чему?

– Тому, что ноги унес.

– Не понял... – нахмурился он.

– Да уж чего непонятного... От кого ты бежал, Сережа? – Стелла пытливно смотрела ему в глаза. – От милиции?

Как обухом по головехватила.

– С чего ты взяла?

– Не надо кривляться, Сергей. Актер из тебя плохой... Может, ты и умеешь врать. Но меня-то ты не обманешь. Я твою беду сердцем чувствую...

– Какую беду? – не на шутку разволновался он.

– Ту, в которую ты попал... Давай, Сережа, выкладывай все как на духу. Покайся, легче станет...

– Мне не в чем каяться.

– Ну, как знаешь, – грустно вздохнула она.

– Ты меня прогонишь?

– Ни в коем случае. Ты же не просто ко мне пришел. Ты ищешь у меня убежище. Считаю, что ты его нашел...

Казалось, Стелла видит его насквозь. Серега чувствовал себя так, будто стоял перед ней совершенно голым. Ему было стыдно, на душе скребли кошки. Никогда он не ощущал себя таким беспомощным, как сейчас.

– Ты, наверное, спать хочешь? – просто спросила она.

В другой ситуации он мог бы и сдохнуть. Мог бы сказать, что спать хочет, но только с ней. Но сейчас у него и язык на такую пошлость не повернулся.

– Да нет, не хочу.

– А я вижу, что ты устал. В девять часов мама с работы придет. Давай пока прими душ, затем мы с тобой позавтракаем. Потом ложись спать...

– А твоя мать? – обескураженно спросил он. – Что она скажет?

– Ты не волнуйся, что-нибудь придумаем... Не обещаю тебе, что она придет в восторг от твоего присутствия. Но в милицию звонить она не будет, в этом ты можешь быть уверен...

– А чего мне милиции-то бояться?

– Сергей, давай не будем, а, – с упреком посмотрела на него Стелла. – Мы-то с тобой прекрасно знаем, что происходит. Ты вляпался в нехорошую историю, я тебе помогаю.

– Да нормально все!..

– Хватит! – резко отсекла она. – Давай в душ! Живо!

Это было сказано так напористо, что Серега не мог ослушаться ее. А потом, он совсем не прочь был оказаться под пятой любимой тиранки... Стелла далеко не простая девчонка. Она может быть безобидной тихоней, но лапшу на уши ей вешать не надо. Не любит она этого, взрывается. Оказывается, характер у нее в таких случаях отнюдь не сахарный. Но Серега с детства не любил сладкое...

После душа был завтрак. Самая обыкновенная яичница, без лука, без ветчины. Но казалось, ничего вкуснее он раньше и не едал. Стелла сидела за столом напротив него и смотрела, как он ест. Видно, это доставляло ей удовольствие.

Серега все ждал, когда она снова начнет тянуть из него душу. Но Стелла молча напоила его чаем, молча убрала за ним посуду. Так же молча отвела его в свою комнату, уложила в свою кровать.

Он не рассчитывал на то, что она ляжет рядом. Но надеялся, что будет лежать на постели, согретой ее телом. Надеялся, но просчитался. Стелла постелила свежее белье, укрыла его одеялом и молча направилась к дверям.

– Не уходи, – попросил он.

Стелла остановилась, мягко посмотрела на него и покорно села на стул.

– Не волнуйся, – сказала она. – Все будет хорошо. В институт я сегодня не пойду. Так что ты будешь под надежным присмотром...

– Я хочу быть под присмотром, – нежно улыбнулся он. – Но только чтобы это был твой присмотр.

– А какого присмотра ты боишься? – Взгляд ее затуманился, губы собрались в тонкую, изогнутую книзу линию.

– Я ничего не боюсь... Хотя нет, боюсь... Я боюсь остаться без тебя...

– Я очень на это надеюсь. – И снова на ее лице милая, добрая улыбка.

А в глазах тревога. Она очень переживала за Серегу и не скрывала этого.

Она снова собралась уходить. Ему не хотелось спать. Тем более оставаться в одиночестве. Он хотел, чтобы она осталась. Но удержать ее он мог только правдой. Во всяком случае, так ему казалось. Но правду он открывать ей не хотел. Боялся...

Что это, стыд?.. Очень может быть. Отец и мать с детства учили его, что воровать стыдно. И в школе говорили то же самое. Он хорошо помнил, как клеймили позором Женьку Стрыгина за то, что он украл куртку из раздевалки. Серега был тогда возмущен его поступком и даже порывался набить ему морду.

А сейчас он сам ворует. Он угоняет машины, имеет с этого деньги. Потерпевшие люди ненавидят его, проклинаят его в мыслях. Менты ищут, чтобы бросить его за решетку. Весь мир ополчился на него. Потому что он вор. Позорный вор...

Шорох возвеличивал воров. Считал, что это каста избранных. Эти «великие» люди живут по своим особенным законам, у них есть идеи, смысл жизни... Но все это слова. Шорох расхваливал воров только потому, что сам был вором. Законы, понятия, воровские идеи – все это на самом деле есть. Но все это придумано теми же ворами себе в оправдание.

Воры гордятся своим воровским званием. Но при этом они жестоко расправляются с «крысами». Дескать, нельзя воровать у своих. А у чужих можно... Чужие. Кто они такие? Горшок? Это да, для Сереги он всегда будет чужим. Стелла? Нет, она для него не чужая. Он любит ее, готов голову дать на отсечение ради нее. Но для других воров она чужая. Ее могут ограбить и даже убить. И по воровскому закону это допустимо. Ворон ворона за это не осудит. А как же ему жить без Стеллы, если с ней вдруг что-то случится?..

Сергей пытался заснуть, но сон не шел. Мешали тягостные мысли. Он ворочался с боку на бок, нервничал, переживал. Он был очень близок к раскаянию. И если бы в этот момент в комнату вошла Стелла, он бы не выдержал и выложил ей всю правду.

Но вместо Стеллы в комнату заглянула ее мать. Серега предусмотрительно притворился спящим.

Женщина ничего не сказала. Но он физически ощущал ее недовольство. Да иначе и быть не могло. Обрадовался бы он, если бы обнаружил в постели своей дочери молодого парня? Нет, не обрадовался бы. Еще бы из дома в три шеи погнал...

А ведь он действительно молодой парень. И когда-нибудь у него будут дети. У них со Стеллой будут дети. Как он отреагирует на то, что его дочь спуталась с вором? А если вором станет его сын?..

Сереге нравится жить сегодняшним днем. Ему нравится, когда в кармане шелестят купюры, а в бокале плещется вино. Кабаки, попойки, шальные дружки, развратные девки – это его стихия... Так думал он еще вчера, когда шел на дело. Но сегодня он думает иначе. И даже не потому, что его спалили менты, а перед носом висит перспектива попасть за решетку. Он лежит в постели, согретой теплом любимой девушки, вокруг тишина и спокойствие. Где-то рядом находится Стелла. Пока что только теоретически она может прийти к нему, обнять, приласкать, нырнуть к нему под одеяло. Это может стать реальностью, если он возьмется за ум, отречется от своего прошлого. А он близок, он очень близок к правильному решению.

Ему уже не нужны кабаки и продажные девки. Не нужна ему малиновая жизнь. И сиреневый туман не греет. Воровские законы и заповеди – блеф, пыль и чешуя. Больше он на их идеи не купится. И воровать он больше не хочет. Это подло и гнусно.

Он даже готов принять неволю. Отсидит свой срок, отмоется от греха. И если Стелла дождется его, вернется к ней. Он забудет свое позорное прошлое. Устроится на работу, будет зарабатывать деньги, содержать семью. У них со Стеллой будут дети. Он будет заботиться о них, обеспечит им достойное будущее. Его будет согревать семья и тепло домашнего очага. О кабаках и шлюхах он будет думать как о чем-то далеком и неприятном. А о своих былых грехах – с омерзением...

Сегодня же он расскажет обо всем Стелле, покается перед ней. Характер у нее твердый, но добрый. А еще она любит его. И на предательство она не способна. В общем, она поймет его и простит. И если ему суждено оказаться за решеткой, она будет ждать его. И дождется. Все у них будет хорошо, просто замечательно...

Мысли о счастливом будущем согрели его душу и утяжелили веки. Серега и не заметил, как погрузился в сон.

2

Проснулся Серега от какого-то внутреннего толчка. Он еще не протер глаза, а уже стоит на ногах, тело готово к броску. Что с ним происходит, он понял, когда открылась дверь и в комнату ввалились менты.

Он метнулся к балконной двери. Но открыть ее не успел. Менты навалились на него всем скопом, сбили с ног, прижали к полу. На руках защелкнулись стальные браслеты. Они больно врезались в кожу. Но страшней всего было воздействие на психику. Сергей явственно осознал, что с этой минуты он арестант и о свободе можно только мечтать.

Его поставили на ноги. Изогнули буквой «Г» и повели на выход. Он не мог на прощание заглянуть Стелле в глаза. Он видел только ее ноги.

– Ты меня жди! – крикнул он у порога.

– Ждут тебя, ждут! – ехидно засмеялся мент.

И чтобы унижить его перед любимой девушкой, дал ему пинка под зад. Если бы Серега мог дотянуться до него зубами, он бы без раздумий перегрыз ему глотку.

Серегу вывели во двор, затолкали в зарешеченный отсек желто-синего «уазика» и повезли в отделение.

Теперь он мог немного расслабиться и прикинуть, по чьей наводке его законали менты. Ответ всплыл на поверхность без особого умственного напряжения.

Во всем виноват Хлопчик. Но прежде всего нужно было винить себя самого. Догадывался же он, что Хлопчика повязали. А вот не подумал о том, что Хлопчик знает про его амуры со Стеллой. К тому же он знал, где она живет. Отсюда и наводка...

Серегу отвезли в отделение милиции, швырнули в камеру КПЗ. Дощатые, темные от времени нары в два этажа, окошечко, затянутое многослойной дырчатой жестью, пыльная лампочка под мрачными сводами, чугунный унитаз с протекающим бачком.

Сереге уже приходилось сживать в таких казематах. Но раньше он имел дело с ментами по мелочовке. И больше суток его в кутузке не держали. А тут кража в крупных размерах. И после этой камеры его ждет хата в следственном изоляторе. А дальше самый гуманный в мире суд и этап на зону. И «стольпинский» вагон будет, и лютый караул, и морозные лагерные бараки, и сибирский лесоповал. Романтика? Серега бы так не сказал...

В камере он был один. Восемнадцать лет ему исполняется только через три месяца. А кроме него, видимо, в КПЗ больше нет несовершеннолетних.

Шорох не скрывал, что в тюрьме больше дерьмом намазано, чем медом. Но он же учил, что нельзя отчаиваться. Попал за решетку – думай не о том, как выпорхнуть на свободу, а о том, как получше устроиться на новом месте. В тюрьме живут люди, говорил он. И если ты тоже хочешь быть человеком, веди себя правильно, не дай поймать себя на западло.

Сереге рано было думать об арестантских муляках и подвохах. Некому было здесь кидать его и разводить. А вот о быте своем подумать стоило. Ему страшно хотелось курить. А сигарет у него нет и не предвидится.

Зэковский опыт у него на нуле. Но, хвала Шороху, он вооружен знаниями. Это на первый взгляд кажется, что в камере нечем поживиться. На самом деле есть тайнички, где можно найти чинарик и спичку-серку.

Сереге взялся за поиски «сокровищ». Одно это занятие успокаивало. А когда он нашел слегка начатую сигарету и смог зажечь ее, на душе совсем отлегло.

В конце концов, он сам виноват, что оказался в этих мрачных застенках. Говорила ему мама – не воруй. Не послушался. Теперь вот будет отвечать за свою тупость.

Ничего, он отмотает срок и на свободу выйдет с чистой совестью. Стелла обязательно дождетя его. Они поженятся, и все такое... Короче, все будет зашибись.

Он окончательно успокоился. Привел в чувство и себя, и надзирателя. Задиристо вытребовав у него подушку и одеяло. И еще отругал его за то, что вечерняя каша была холодная и даже не пахла маслом. А чего бояться вертухаев? Пусть он арестант, но у него есть гражданские права. И он должен уметь их отстаивать. Вертух, он ведь тоже человек подневольный. У него есть начальники, он может попасть под раздачу какой-нибудь проверочной комиссии. Тем более что ну очень родная коммунистическая партия взяла курс на перестройку. Теперь перестраивать будет всех и вся... А может, в связи с этой перестройкой и амнистию объявят.

Сергея утешал себя как мог. И даже сумел поймать волну хорошего настроения. С тем и уснул...

Через день его запихнули в «воронок» и повезли в прокуратуру. Там его ждал следователь с вытянутым, как у щуки, лицом. И глаза у него щучьи. Взгляд холодный, скользкий.

Следак зачитал текст обвинительного постановления. Так и есть, на него вешали попытку похищения автомобиля «ВАЗ-2106».

– Да нет, товарищ следователь, вы что-то путаете. Не мог я угнать машину. – Сергей удивленно вытаращился на мента.

Хлопчик его сдал, поэтому у него просто не могло быть шансов на спасение. Но первая заповедь арестанта гласила, что нельзя признавать свою вину. Во всяком случае, до тех пор, пока тебя не взяли за задницу мертвой хваткой.

– Во-первых, я вам не товарищ. А во-вторых, никто и не говорит, что вы угнали машину, – скупо усмехнулся следак. – Вам помешал наряд патрульно-постовой службы.

– Да нет, не было ничего. Я дома в это время был...

– В какое время? – тут же поймал его на слове следак.

– Ну, когда машину угоняли.

– А вы откуда знаете, когда и какая машина угонялась?

– А-а, так вы говорили, – поплыл Сергей.

– Ничего я не говорил... В общем, так, Кирсанов, не буду я себе и тебе голову морочить. Ни к чему это. Доказательства твоей вины налицо. Поэтому давай не будем ваньку валять. Ты пишешь чистосердечное признание, мы оформляем дело и отправляем его в суд. Ты получаешь свои законные три года, отправляешься на общий режим, а там, глядишь, амнистия или условно-досрочное освобождение. Вернешься домой, начнешь новую жизнь... Ты же хочешь начать новую жизнь?

– Вообще-то меня моя жизнь устраивала, – пожал плечами Сергей.

– Неужели тебе нравилось воровать? – нешуточно удивился следователь.

– Да не воровал я никогда... Разве что у отца один раз червонец стибрил. Он мне так тогда всыпал...

– Да, Сергей Александрович, не теряйтесь вы, – покачал головой мент. – Только не получается у вас на дурака играть. Глазки у вас бегают... А вот у меня взгляд твердый. Знаете почему? Потому что есть у меня доказательства вашей вины... Курточка-то ваша на экспертизе побывала.

– При чем здесь курточка? – похолодел Сергей.

– Да при том, что вы в этой курточке от милицейского патруля удирали. И имели неосторожность за проволоку зацепиться. Патрульные милиционеры обрывок вашей куртки нашли, нам передали, а мы его к делу приобщили... Ну так что, Кирсанов, будешь дальше дурака валять?

Факт убийственный. Если клочок болоньевого материала и сама куртка приобщены к делу, отпираться бесполезно... Странно, а почему следователь про Хлопчика ничего не говорит? Наехал бы сейчас на Серёгу да взял его на пушку тем, что его подельник во всем сознался... А может, и не смогли менты взять Хлопчика. Ведь он же не был в отрубе, когда менты появились. И от хозяина машины ушел, и от ментов...

– Не буду, – повесил голову Серега.

– Ну вот и ладненько. Я человек добрый. У меня и у самого сын растет, четырнадцать лет уже. Тебя, если честно, я не понимаю. А вот родителей твоих мне очень жаль. Хорошие у тебя родители. Отец мастер цеха, мать повар на заводе. Рабочий класс, пролетариат... Ну да ладно. Все будет нормально. Сейчас пишешь чистосердечное признание... Да, кстати, как того парня зовут?..

– Какого парня?

– Ну того, который с тобой был.

– А кто со мной был? – вытаращился на следователя Серега.

– Кирсанов, я тебя по-хорошему прошу, бросай свои заморочки. И без того голова замороченная. Думаешь, ты у меня один такой? У меня без тебя еще восемь дел в производстве... Так как дружка твоего звали?

– Не знаю, про кого вы говорите. Я один был...

Следователь набрал в легкие воздуха, медленно выдохнул его с выражением безмерного разочарования.

– Кирсанов, ты не можешь понять одной простой вещи. Сейчас тебя может спасти правда, и только правда. Облегчишь работу мне, а я в свою очередь облегчу твою участь, поверь мне... Давай-ка, выкладывай все начистоту. А то ведь я за протокол возьмусь, и уплывет твое чистосердечное признание. И приплывет к твоему сроку еще пара годков...

– Да не было со мной никого, – упрямо гнул свою линию Серега.

Он ни за что не сдаст ментам Хлопчика. Во-первых, он не сдает друзей. А во-вторых – спасибо Шороху, – он знает, что наличие сообщников утяжеляет статью Уголовного кодекса.

Следователь сделал несколько кругов с пикировкой. С одной стороны зашел, с другой, и все без толку. Серега мертвой хваткой держался за свое. Не было с ним никого, и точка.

– Врешь ты все, Кирсанов, – уныло вздохнул следак. – Был у тебя сообщник, был. И поверь мне, на суде мы это докажем. И кражу докажем. Лет на десять загудишь, браток...

– Какая кража? – возмутился Серега. – Я не собирался красть машину. Я просто покататься хотел...

– Да что ты говоришь? – Похоже, мент был готов к такому повороту. – Нет, дружок, ты угонял машину с целью хищения. А это статья сто семьдесят пятая...

– Да нет, говорю же вам, я просто покататься хотел...

– Ну да, скажи еще, отмычку на улице нашел. И свечной ключ заодно...

– Какая отмычка? Какой ключ? – возмутился Серега.

От всего этого он давно избавился. Надо было и куртку выбросить, тогда бы менты хрен что доказали.

– И отмычка у тебя, Кирсанов, была, и ключ...

Следак задумался. Достал сигарету, закурил. Сереге не предложил. Дурной знак.

– В общем, так, Кирсанов, машину ты угнал без цели хищения, – выдыхая дым, постановил он. – И действовал без сообщника. Так и запишем. По сто восемьдесят пятой пойдешь, без отягчающей...

– А это сколько?

– До трех лет лишения свободы.

Серега не смог сдержать вздох облегчения. Три года – это не так уж и страшно. Тем более что суд может всего два года дать. Что, впрочем, вряд ли. Была бы явка с повинной или хотя бы чистосердечное признание, тогда еще можно было бы на что-то надеяться. И прошлое у него не очень. Имел приводы в милицию, исключен из школы, нигде не работает, ведет асоциальный образ жизни, и так далее и тому подобное... Ну да ладно, он свои три года отсидит. Считай, что три года в морфлоте отслужит.

Из кабинета следователя Сергей выходил с легким сердцем. Из прокуратуры прямым ходом его повезли в городской следственный изолятор.

От мрачных серых стен веяло тоской и безнадеей. Но Серега не отчаивался. Уже сейчас для него начинался отсчет трех долгих лет. Он выдержит. Он все выдержит. И выйдет на свободу с чистой совестью.

Глава пятая

1

В отстойнике Серега чувствовал себя как в могильном склепе. Темно, холодно, сыро, гнойный смрад. Здесь он провел целую ночь. И очень надеялся, что сегодня его заберут отсюда и отправят в нормальную хату.

Ближе к обеду вертухай выкликнул его фамилию. Он вышел из сборной камеры, зашел в крохотный боксик размерами метр на метр. Это был первый этап тюремной прописки. Здесь все официально. Обыск, куча анкетных вопросов.

Серега прошел через всю эту нудную канитель, и в сопровождении конвоира его отправили в тюремное крыло, где сидели несовершеннолетние.

С одной стороны, на малолетке неплохо. Там собрана безусая молодежь, с которой не так уж трудно будет найти общий язык и состыковаться по жизненным интересам. Но в то же время несовершеннолетние юнцы – самая отмороженная часть тюремной братии. Шорох рассказывал о беспределе, который царит на малолетке. Если на взросляке можно обойтись без дурацкой неформальной прописки, то с молодняком такой номер не проходит. А прописаться в камере в качестве правильного пацана сумеет далеко не каждый.

В каптерке ему вручили обязательную робу установленного образца, выдали матрац, постельные принадлежности, миску, ложку. Затем его отвели в камеру.

Камера была довольно просторная. Стены оштукатурены и выкрашены в светло-серый цвет. Деревянный темно-коричневый пол. Большое зарешеченное окно, занавески. Вдоль стен шконки в один ярус. И что здорово, здесь не было жуткого тюремного смрада.

В камерах на взросляке обстановка куда хреновей. Там и ремонта нет, и шконки в два-три яруса, вонь, гвалт. А тут – тишина и на первый взгляд полный порядок. Но если верить бывалым экам, то уж лучше попасть в хату к взрослым арестантам.

Впрочем, ничего страшного для себя Серега не замечал. Шконку в дальнем углу возле окна занимал плотного сложения скуластый паренек лет шестнадцати. Судя по всему, паханчик. Серега мысленно примерился к нему. И решил, что сумеет справиться с ним в драке.

Но паренек был не один. Три шконки поближе к нему держали такие же крепкие на вид выюноши. Шестнадцать-семнадцать лет, не больше. Четыре шконки поближе к выходу занимали простачки – пацанчики, явно не пользующиеся авторитетом.

На койке у самой параши сидел мягкотелый паренек в идиотском красном чепчике на голове. Едва за Серегой закрылась дверь, он сполз на пол и закатился под шконку. Это петух. А если таковой на хате имеется, значит, беспредел здесь в чести.

Две койки были свободными. На одну Серега положил глаз. Но располагаться он не спешил. Он поздоровался для приличия и застыл в ожидании.

Скуластый крепыш смотрел на него угрюмо, исподлобья. И не просто смотрел, а буравил его колючим взглядом. Как будто на прочность проверял. Серега выдержал его взгляд. И даже сам поднажал – паханчик отвел от него глаза. Но по-прежнему продолжал смотреть в его сторону.

- Ну и кто к нам пожаловал? – кисло спросил он.
- Серега Кирсанов. Статья сто пятьдесят восьмая...
- А-а, на лайбе решил погонять, да?
- Ага, что-то вроде того. Только, как видишь, не туда заехал...

– Не понял, а чем тебе не нравится наш гараж? – встрепенулся паренек. – Почему не нравится? Нравится. Я правильный пацан, и мне на кичу заехать не в облом. Тем более что у меня прописка здесь есть...

– Прописка? Ты че, уже бывал здесь? И кто тебя прописывал?

– А сам кум меня прописывал, понял?

– Кум?! Я не понял, ты че, на кума козлишь?

– За базаром следи, да... Я в этой тюрьме родился, понял? Меня мама здесь родила. Так что у меня по жизни на тюрьме прописка...

Сергея врал напрапалую. Это Шорох в свое время протолкнул ему такую мульку насчет мамы-арестантки. Тут главное – держаться уверенно и всем видом показывать, что ты не чмырь какой-то. Лажа может вскрыться. Тогда все поймут, что ты прогнал фуфлю. Но если к этому времени тебя примут за крутого, твой базар будет воспринят как хохма. Мало того, тебе в актив капнет дополнительное очко. А вот если дашь слабинку – влет заключают. И уже твое очко пойдет гулять с активными пацанами, а сам ты станешь пассивным. Такого исхода Серега для себя не желал. Он не знал, есть ли жизнь на Марсе. Но был на все сто уверен, что в петушином углу жизни нет. Во всяком случае – для него.

– Круто! – завистливо протянул паханчик. И с оскоминой на лице спросил: – А кум-то здесь при чем?

– А он просил мою маму меня обратно родить, – прикалывался Серега. – Она-то была не против, да меня обратно хрен засунешь. А кум, козляра, давай меня туды впихивать. Я ни в какую. Короче, обломался кум. А у меня на макушке после этой канители пятно осталось...

На голове у него в самом деле было родимое пятно. Правда, к «обратным» родам оно не имело никакого отношения.

– В общем, пацаны, это, типа, штамп о тюремной прописке. А кто мне его поставил?..

– Кум! – подхватила толпа.

Пацаны веселились от души. И на Серегу смотрели с нескрываемым уважением.

– Круто ты задвинул!

Паханчик не мог не признать его карту козырной. Но в то же время он всерьез опасался, что у него не найдется более сильной карты. И тогда Серега может занять его место. Если, конечно, тюремные воры не утверждали его в должности смотрящего по хате...

Боялся паханчик зря. Серега не метил на его место. Ему вполне хватит звания «честный арестант».

– А ты не наврал?

Не хотел Серега нарываться на этот вопрос. Но избежать встречи с ним не удалось.

– Да нет, не соврал, – невозмутимо пожал он плечами. – Хотя всякое может быть. Вы вот все на шконарях зады греете. А я перед вами на ногах стою. А в ногах, сами знаете, правды нет...

Развязка пацанам понравилась. Да и паханчик не стал накалять обстановку. От Сереги отвязались, и он получил возможность спокойно обустроиваться на новом месте. Больше его не трогали.

А вот на следующий день в камеру въехали сразу два новичка. Один из них имел впечатляющую внешность. Высокий, в плечах косая сажень, кулаки устрашающих размеров. Только вот не было в этом парне внутреннего стержня. Рыхлая, бесхребетная сущность. Голова низко опущена, взгляд пугливый, плавающий. Паханчик Кент вмиг разглядел его слабинку. Да и пацаны уже видели, что за баран зарулил к ним в хату. Толпа оживилась. Хлеба не надо, зрелищ давай...

Второй пацанчик – совсем еще дитя. Лет четырнадцать ему, не больше. Маленький, пухлый, кожа розовая, глаза как у ангелочка. Ему бы в песочнице с машинками играть, а он уже в тюрьму попал.

Мальша трогать не стали. Без разговоров отвели ему место на свободной шконке. А за верзилу взялись со всей основательностью.

– Ну и как нас зовут? – с ласковой издевкой спросил Кент.

– Антоша, – хлопая глазами, ответил простак.

Натуральный дебил. Была бы у него в голове хотя бы одна извилина, он бы таким дурацким именем не назвался. Антон, Антоха – это нормально. Антоша же – это чисто детский сад или приют для олигофренов.

– Ты, Антоша, где прописан?

– Город Красномайск, улица Ворошилова, дом четыре, квартира...

– А в квартире твоей на Ворошилова живет сын коня Буденного, да? – осклабился Кент.

– Да нет, нет у нас никакого коня, – почесал затылок Антоша.

– А ты кто?

– Я – Антоша...

Пацаны давились смехом и хватались за животики. Сереге тоже было весело, он тоже хотел зрелищ.

– Значит, так, конь ты с яйцами, у нас на хате не конюшня и без прописки даже козлы жить не могут. Так что будем тебя прописывать.

– Так это, у меня ж паспорта нет. Менты, падлы, забрали!

Камера взорвалась. Это был не просто смех, это была самая настоящая истерика.

– Ты че, в натуре, невъезжающий, да? – наседали на Антошу Кент. – Ты же конь. И твой паспорт – хвост, копыта и лоб... На лоб тебе прописку ставить будем. У нас и штамп есть...

Смотрящий оттянул средний палец на правой руке.

– Я тебе буду вопросы задавать. За каждый неправильный ответ – щелбан. Согласен?

– Как скажешь, – пожал плечами увальень.

– Вот ты мне скажи, почему Буденный на своем коне скачет на беляков?

– Как почему? Чтобы беляков рубить!

– По земле он скачет, понял?.. Иди сюда!

Антоше бы разозлиться да наехать на Кента. Ну, отоварили бы его пацаны в ответ. Зато бы никто больше над ним не прикалывался. Так нет, этот придурок подставляет свой дубовый лоб. А щелбан у Кента мощный.

Антошу со всех сторон грузили хитромудрыми вопросами. Верзила отвечал на них. До посинения лба. У Кента разболелся ударный палец. Да и Антоша его утомил.

– Ладно, короче, еще один вопрос, и все... Вот ты скажи, братан, ты меня уважаешь?

– Уважаю! – расплылся в довольной улыбке дебил.

– Тогда скажи мне, братуха, такую вещь. Вот идешь ты с топором, а перед тобой всего два дерева. Я на березе сижу, а на сосне прокурор. Ты какое дерево рубить будешь, сосну или березу?

Антоша просветлел ликом. Типа, на этот вопрос и дурак ответит.

– Ну конечно, сосну! – завопил простак.

– Соснешь?! Ты че, у всех сосешь? Я не понял, ты че, вафел?

Антоша оправдывался как мог. Мол, игра слов, то да се. Но его никто не слушал. Пацаны чуть ли не по полу катались со смеху.

Наконец толпа угомонилась. Послышался голос Кента:

– Ладно, братуха, про сосну забыли, да. А так все в порядке... Ты вот мне скажи, как ты дальше жить собираешься? Вором в законе быть хочешь?

– Конечно, хочу! – воспрянул духом Антоша.

– А ты знаешь, что титул вора в законе нужно заслужить?

– А ты думал, конечно, знаю!

– Ты готов пройти испытания?

– Да!

– Тогда тебе придется тягаться со мной. Я же ведь тоже законником стать хочу.

– А что надо делать?

– Надо нам, Антоша, силой помериться. Канат перетягивать будем. Кто сильнее, тому и корона...

Игра началась. Кент достал два тонких, но прочных канатика. Один он оставил себе, другой дал непробиваемому Антоше. Один конец он обмотал вокруг собственной мошонки, другой конец передал придурку. Антоша со своим канатиком проделал то же самое – со всей силы перетянул собственные яйца.

Суть игры заключалась в следующем. Игрокам завязывают глаза, и по сигналу они начинают тянуть канатики. Кто первый потеряет сознание от боли, тот проиграл.

Антоше завязали глаза. А Кент развязал свою мошонку, просунул свой канат через дужку кровати. Затем быстро связал его с канатом Антоши. Подали сигнал к началу игры, и чудик со всех сил рванул на себя канат. Взвыли оба – Антоша от реальной боли, а Кент лишь изображал страдание. Антоше было невдомек, что он сам себе садист. И продолжал остервенело тянуть канат да рвать себе яйца до тех пор, пока не потерял сознание.

Простофилю оттащили в закуток с парашей, прислонили к унитазу. Там он и пришел в чувство.

– Еще не все потеряно, браток, – продолжал изгаляться Кент. – На законника ты уже не тянешь, но положенцем еще можешь стать. Хочешь быть положенцем?

– Хочу, – кивнул Антоша.

– Тогда ты должен выдержать первое испытание. Ты должен три дня быть смотрящим по параше. Согласен?

– Согласен.

– Что ж, отныне твое место на параше, – заключил Кент.

И потерял к Антоше всякий интерес.

В этот день план по зрелищам был выполнен и даже перевыполнен. Прописку второго новичка перенесли на следующий день.

Малыша звали Игорьком. Серега видел, с каким ужасом наблюдал он, как братва истязает Антошу. Он очень боялся оказаться на его месте. Но страх не бросал его в панику, Серега заметил в его глазах работу мысли. Мальчишка анализировал поведение бесхребетного увальня, делал выводы. Серега был почему-то уверен, что Игорек не повторит idiotских ошибок.

Жаль ему было этого паренька, жаль. Но, увы, ничем он помочь ему не мог. В этом жестоким мире каждый выживает в одиночку. Один за всех – такое бывает только во время уборки помещений, когда один «вечный шнырь» пашет за всех. А в остальном здесь каждый за себя...

И все же мир не без добрых людей. Ночью к Игорьку подсел Шуруп, не самый авторитетный, но и не отстойный пацан. Он без мыла влез в душу к пареньку и начал давать ему советы, как вести себя завтра. Игорек слушал его, развесил уши.

А потом Шуруп сказал Игорьку по секрету, что Кент завтра будет зверствовать. И все для того, чтобы опустить беднягу малыша. Он говорил тихо, но Серега все слышал.

– Ты, Игорек, извини меня за прямоту. Но ты у нас нежный, как девочка, – тихо говорил Шуруп. – Короче, пацаны уже тебя хотят. Ты просекаешь момент?

Игорек хлюпнул носом и заплакал.

– Слышь, ты че делаешь? – возмутился Шуруп. – Нельзя так. Тебя пацаны сейчас на смех поднимут. А потом на круг поставят... Успокойся, да... Слышь, Игорек, ты только не переживай, все нормально будет. Хочешь, я с Кентом перетру, чтобы тебя не трогали?

– Хочу, – всхлипнул Игорек.

– Тогда перетру, это без проблем. Все путем будет. Никто тебя даже пальцем не тронет. И прописку ты автоматом получишь...

– А ты что, правда, можешь мне помочь?

– Ну да. Ты ж сам видишь, я не последний на хате человек. Мое слово много значит... Только понимаешь, в чем дело. Закон у нас есть такой, никто ничего даром не делает. Да не ссы, я много не прошу. Только затвор передернешь, и все дела...

– Какой затвор? – не понял Игорек.

– Ну мой затвор... Ты же себе дрочил? Дрочил. А то мне подрочишь... Да ты не бойся, я много не прошу, всего один раз. Ты мне, я тебе, все по-честному...

Шуруп реального веса среди пацанов не имел. Но от прописки Игорька отмазать мог. Чем, собственно, он сейчас и занимался. Если Игорек выполнит его просьбу, он автоматически перейдет в разряд петухов. И так же автоматически получит прописку в петушином углу.

Игорек еще только жить начинает. А какая-то мразь уже опомоить его норовит. Шурупу до фонаря, как сложится судьба мальчишки. Ему главное – парафин свой слить...

Игорек еще не дал ответ на паскудное предложение, а Серега был уже на ногах. Принцип «каждый за себя» для него уже не работал. Он должен был подписаться за бедного Игорька. И он подписывается...

Серега подскочил к Шурупу, резко схватил его за грудки, сорвал со шконки. И со всей силы ударил его головой в нос. Подлец слетел с копыт и растянулся на полу. Добивать его Серега не стал. Да и смысла в этом не было. Шуруп и не пытался дать ответку. Кишка у него тонка. Такие только с маленькими героями...

2

Серега больше месяца провел в СИЗО. И за это время его всего один раз вызывали на допрос. Это была чистая формальность. Сухие вопросы для протокола, такие же сухие ответы под роспись. Ему по-прежнему шили сто восемьдесят пятую статью без отягчающих. И Серега без особых переживаний готовился получить на суде свои законные три года.

Хлопчика он не сдал и сдавать не собирался. И Хлопчик, разумеется, его не сдавал.

Все чаще Серега спрашивал себя: как смогли менты повязать его на квартире у Стеллы? Он задавался этим вопросом и при этом не хотел отвечать на него. Потому что под подозрение попадала сама Стелла.

В ментовку могла позвонить ее мать. Но Светлана Сергеевна не знала, что Серега преступник. А Стелла догадывалась. И предполагала, что за ним охотятся менты... Она могла поделиться своими соображениями с матерью, а та уже набрала злосчастный «02». А может, это она сама, без матери, звонила в ментовку. Чтобы избавиться от Сереги. Она же такая правильная, а он – уголовник, и его место за решеткой...

Первое время эти рассуждения казались ему полным абсурдом. Но если человеку каждый день капать на мозги и утверждать, что он лошадь, в конце концов он заржет и забьет копытом. Так и Серега. Под психологическим прессом светлый образ Стеллы тускнел и расплывался, как чернильное пятно на воде.

По всему выходило, что Стелла его предала. Но все же уверенности в том не было. Серега хотел верить, что Стелла ни в чем не виновата. И все еще надеялся, что у них есть общее будущее. Он выйдет на свободу, они поженятся и проживут как нормальные люди...

Жизнь в камере текла своим чередом. «Правильные» пацаны прикалывались над простаками, издевались над изгоями. Серега втянулся в эту жизнь. Он доказал свое право на достойное существование и пользовался в камере непререкаемым авторитетом. Кенту вот-вот должны были припать срок по воровской сто семьдесят пятой статье и перевести в камеру для осужденных. Серега должен был занять его место. Такая перспектива вдохновляла его не очень, но у него и в мыслях не было отказываться от почетного места смотрящего.

С воли шли письма и малявы. Письма от родных, малявы от самого Никса. «Бригадир» слал ему приветы, хвалил за правильное поведение на допросах и обещал поддержку на зоне.

Никс не был вором в законе. Однако его имя в криминальном мире кое-что значило. Но Серега никогда не козырял этим именем. Зачем, если он был в состоянии своими силами подняться над сокамерниками. Тем более что это ему удалось.

Не так давно в их камере появился смышленный паренек Женька Жуков. Он оказался крепким малым не только на вид, но и на поверку. В нем чувствовалась и физическая, и внутренняя сила. Кент справедливо рассудил, что прописать его по беспределу вряд ли получится. Он не стал бы «рубить сосну», зато мог бы срубить самого смотрящего. Поэтому его не мариновали, как горемычного Антошу, и «штамп» на лоб не ставили. Задали несколько безобидных вопросов, получили убедительные ответы, на этом все и закончилось.

Женька обладал веселым нравом, умел рассказывать красивые байки, мог чесать языком с утра до вечера. Словом, он умел поднимать настроение, за это его уважали и даже любили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.